

МАСТЕРА ЧАСОВ

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ АВГУСТА ДЕРЛЕТА

18+

Адам Нэвилл

НИКТО НЕ УЙДЕТ
ЖИВЫМ

Мастера ужасов

Адам Нэвилл

Никто не уйдет живым

«Издательство АСТ»

2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Нэвилл А.

Никто не уйдет живым / А. Нэвилл — «Издательство АСТ»,
2014 — (Мастера ужасов)

ISBN 978-5-17-115735-7

Жизнь Стефани Бут катится под откос из-за постоянных проблем с деньгами и долгов. Поэтому, когда она умудряется снять квартиру по удивительно низкой цене, ей кажется, что череда неудач закончилась. Но ее новый дом таит в себе немало тайн. По ночам Стефани слышит странные звуки: что-то скребется под полом, в соседней пустой квартире рыдает женщина, а из-под кровати доносится треск рвущегося полиэтилена. Стефани кажется, что в ее комнате кто-то есть, хотя она запирает дверь на ночь и не вынимает ключ из скважины до самого утра. Вскоре голоса становятся враждебнее, странные события нарастают как снежный ком, становясь все более причудливыми и иррациональными, а сам дом оказывается настоящей ловушкой. Стефани надо отсюда сбежать, пока местные жители не добрались до нее первыми. Только это не обычная история о привидениях, и правда будет куда страшнее, реальнее и древнее. Книга содержит нецензурную брань.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-115735-7

© Нэвилл А., 2014
© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Тьма ближе, чем свет	6
День первый	6
Один	6
Два	8
Три	11
Четыре	14
Пять	15
Шесть	17
Семь	19
Восемь	21
Девять	26
Десять	28
Одиннадцать	29
Двенадцать	31
День второй	32
Тринадцать	32
Четырнадцать	33
Пятнадцать	37
Шестнадцать	39
Семнадцать	40
Восемнадцать	41
День третий	45
Девятнадцать	45
Двадцать	48
Двадцать один	50
Двадцать два	53
Двадцать три	56
Двадцать четыре	57
Двадцать пять	61
День четвертый	62
Двадцать шесть	62
Двадцать семь	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Адам Нэвилл

Никто не уйдет живым

Adam Nevill
No One Gets Out Alive

© Adam Nevill 2014
© Роман Демидов, перевод, 2020
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Моей маленькой дочке Ионе.
Однажды твоему старому папочке придется многое объяснить
насчет этих книг.*

*А также памяти двух из моих любимых писателей: Джозела
Лейна (1963–2013), лучшего бирмингемского автора странных историй,
и Колина Уилсона (1931–2013), чьи идеи всегда меня так вдохновляли.*

Тьма ближе, чем свет

И самое ужасное – силуэт возник у моей постели и действительно заговорил со мной. Я помню слова, которые он повторил дважды, прежде чем исчезнуть: «Приди за мной, Дод».

Журнал «Блэквудс», 1840. (из письма читателя)

День первый

Один

Сон отступил быстро, и Стефани почти ничего не запомнила, кроме тревожного желания покинуть холодное, серое место; тесное пространство, в котором люди стояли к ней слишком близко. Кто-то из них плакал.

В беспокойные мгновения, тянувшиеся за окончанием сна, пришло облегчение, что от кошмара остался только испуг. Оно мешалось с чувством потери чего-то важного, но неопределимого и неосуществленного. И еще она замерзла. Голова, не укрытая одеялом, заледенела, словно кровать стояла на улице.

Глаза Стефани были открыты. Она лежала на спине и ничего перед собой не видела. Но в темноте слышался голос, приглушенный неумолкающий голос, окружавший ее пробуждавшиеся мысли. Ни одно слово не было достаточно громким или четким, чтобы понять его, но ею владела жуткая уверенность, что бормотание не может быть частью сна, потому что она окончательно проснулась. В голосе не было ни настойчивости, ни особенной выразительности, ни даже эмоций; манера предполагала монотонность, монолог.

Голос шел сбоку, от камина, который она не могла различить в темноте. Даже с выключенным светом ни единый блик не проникал с улицы через плотные занавески.

«Радио? В соседней комнате?»

Хотя чем больше она вслушивалась в голос, тем больше уверялась, что кто-то говорил за противоположной стеной. Но за той стеной ничего не было, потому что дом стоял особняком. Так что, возможно, это в комнате снизу работал телевизор – «Да, не забывай, что они существуют» – и звук поднимался через дымоход.

Когда голос в камине начал всхлипывать, Стефани захотелось сделать то же самое. Это была странная передача, в которой одному человеку позволялось сначала безостановочно говорить, а потом разрыдаться в эфире.

«Возможно, другая съемщица». Может, она разговаривала сама с собой в соседней комнате, а теперь плачет. Звук неподдельной муки вызвал в голове у Стефани образ женщины, упавшей на колени рядом с камином и закрывшей лицо руками.

Она не могла пойти и спросить, в чем дело. Стефани корила себя за то, что ее смущает чужое горе, но была середина ее первой ночи в доме, и она не могла собраться с духом, чтобы пойти и предложить помощь незнакомке.

«Но, слава Богу, что это всего лишь соседка. Я уж было подумала...»

Напряжение вернулось в ее тело и разум так быстро и с такой силой, что она втянула в себя воздух, будто ступила в холодную воду. Потому что ни радио, ни телевизор, ни соседка с разбитым сердцем точно не могли быть ответственны за начавшееся под кроватью царапанье.

Она бы с криком вскочила с постели, если бы у нее не появилась новая надежда, что скрежет доносится не из-под деревянных досок в основании кровати, а из-под половиц.

«Мыши!» Здесь точно были мыши; она видела две маленькие картонные ловушки – те, у которых внутри синий шарик отравы, – на площадке второго этажа и в туалете третьего. Вчера утром, когда ей показывали дом, вид ловушек ее ужаснул. Они были еще одним символом уменьшавшихся возможностей, подступающей нищеты – элемента свободы, которую опрометчиво возжелали, не получив еще независимости, или променяли на новую несвободу. Но она уже жила в доме, где водились мыши, и видела такие же ловушки на складе, где работала прошлым летом.

А в первую ночь, в темноте в новой незнакомой комнате чужого дома мышьяная возня, конечно же, будет тревожить и казаться слишком большим переполохом. Когда лежишь одна в постели, звук крошечных когтей усиливается в тишине глубокой ночи, это всем известно. Только в этих обстоятельствах такой шум может походить на целеустремленную деятельность человеческих рук под твоей кроватью.

Мыши воевали с чем-то шуршащим. «Полиэтилен. Наверное. Да, должно быть, полиэтилен». Там, внизу, мог валяться пакет из-под продуктов, и мыши, а может крысы – «Даже не думай об этом» – рвали его или что-то другое под половицами. «Да, так лучше».

Шуршание под кроватью стало громче и яростней, и воображение вновь затопило мысли фантазией, что на самом деле это человеческие руки мнут полиэтилен. Она уже готова была сесть и потянуться к лампе у кровати, при свете которой читала перед сном, довольная тем, что быстро нашла новое жилье, когда внезапно все стало хуже, и ею овладел страх, который был бездумным, который был безумием. Потому что теперь в комнату вторгся новый источник шума.

Рядом с ее кроватью, между двумя подъемными окнами, был столик со стулом. На столике стояли ее неразобранные сумки. И оттуда донесся шорох, копошение, будто кто-то рылся в ее рюкзаке. Крашенные доски под ковром скрипели, когда чужак двигался.

За камином рыдала женщина.

Под кроватью пальцы дергали полиэтилен.

Темнота наполнилась звуками.

Стефани ничего не могла разглядеть. Воздух был таким холодным, что ее трясло. Она отчаянно хотела дотянуться до лампы, но от этого заскрипела бы старая кровать. А Стефани не хотела издавать звуков, никаких звуков.

«И что мне делать, если я зажгу свет, а кто-то будет там стоять?»

Дверь в комнату была заперта. Ключ остался в замке. «Может, через окно пролезли?» Сможет она встать с кровати и взяться пальцами за ключ, и повернуть ключ в замке, и открыть дверь, и выйти за порог... прежде, чем это настигнет ее?

«Смогу ли я отбиться? Может, мне закричать?»

У нее не хватало сил на крик, не говоря уже о самозащите. Все внутренности ее холодели от страха столь великого, что она вся была сплошь ужас; Стефани окаменела от волос на голове до пальцев на ногах.

Перед глазами мелькали нежеланные картины: кто-то берет мазки ватными палочками; полицейские в пластиковых плащах собирают волосы с ковра; накрытые простыней носилки заносят в машину «скорой помощи» под взглядом женщины в дверях соседнего дома.

Стефани села и потянулась к прикроватному столику. Кровать заскрипела, как старый деревянный корабль.

Копошение в сумках прекратилось.

Она зашарила по столику. Деревянная поверхность была холодна под ее почти не гнувши-мися пальцами. Она нашла прорезиненный провод с выключателем, а потом потеряла, почувствовав, как он ускользнул из пальцев в темноту.

Пол заскрипел под направившимися к ней шагами.

Стефани снова попыталась найти провод, но вместо этого наткнулась на металлический стебель лампы. Когда она отыскала провод, ее беспокойные пальцы судорожно нащупали пластиковый выключатель.

Матрас у нее под ногами продавился; кто-то уселся на кровать.

Стефани была уверена, что в темноте чье-то лицо приближалось к ее собственному.

Она включила лампу и обернулась, чтобы увидеть чужака, сидевшего у нее в ногах.

– Боже, боже, боже, черт, черт, о боже.

Два

Стефани сидела в предраассветной тьме, сжимая одеяло у подбородка. Небо за раздвинутыми занавесками стало из черно-синего серым, как макрель. Лампа у кровати была включена. Люстра под потолком тоже. В руке Стефани сжимала телефон, экран которого затуманился от жара ее тесной хватки. Дорожные часы на тумбочке возле кровати тикали, стрелки приближались к шести утра.

Когда она включила лампу, на кровати никто не сидел, и в комнате никого не было. Найдя в себе храбрость заглянуть под кровать, она увидела большие комки сероватой пыли на крашенных половицах, но никакого пакета не нашла. Ключ все еще торчал из замка в запертой двери. Подъемные окна были закрыты и надежно зафиксированы металлическими защелками. Шкаф с облицовкой под грецкий орех занимала только ее одежда. И в том, что ночью кто-то копался в ее сумках, Стефани тоже не могла быть уверена, потому что оставила их расстегнутыми и распаханутыми, когда отправилась в постель.

Царапанье под кроватью, должно быть, унялось, когда зажегся свет, хотя она не могла припомнить точного момента прекращения шума. После того, как она покончила с темнотой, голос в камине тоже утих.

Металлическую решетку и портал камина, выкрашенные толстым слоем черной краски, покрывала пыль. Дымоотвод был шириной всего несколько дюймов. Она повернулась ухом к камину и услышала что-то, звучавшее как далекий ветер, и больше ничего.

Стефани внимательнее осмотрела окружавшие ее стены. Их не украшали годами, с тех пор, как оклеили ныне пожелтевшими обоями с изображением стеблей и листьев бамбука. Комната была такой же угнетающей, как и остальные, в которых Стефани жила после ухода из дома: маленькие коробочки, выброшенные на берег непрерывным течением жизни, нетронутые модернизацией и вызывающие отвращение у людей, располагающих средствами. В этих комнатах теперь обитали те, кто был всего лишь в одной неудаче от бездомности и близок к выпадению из списков безработных и попаданию в списки не имеющих определенного места жительства или пропавших без вести.

Стефани сжимала одеяло, пока ногти не продавили ткань и до боли не впились в ладони.

Мысли об однажды попробованном экстази обрушились на нее обвиняющей тяжестью и давлением вместе с воспоминанием о нескольких выкуренных косяках и однажды выпитом чае с волшебными грибочками – все это было три года назад, в первый год колледжа. Она задумалась, не стали ли эти короткие и неумелые опыты с наркотиками причиной галлюцинаций чем-то вроде отложенной реакции.

И пока Стефани сидела в кровати, дожидаясь утра, ей стало казаться, что прошло уже много времени с тех пор, как она проснулась в комнате, полной чужеродных звуков. Большая часть ее разума настаивала теперь, что пережитое было частью неясного ночного кошмара, который продолжился пересекшими комнату шагами, и ощущением, будто кто-то сел на кровать. Все это могло ей почудиться.

«Должно было почудиться».

Но то, что она так недавно слышала в темноте, было непохоже на остаточный эффект сна. Включив свет и закончив оглядывать свою запертую комнату, она долго думала о привидениях. И вспомнила историю, слышанную от папы. Задолго до того, как умерла мама, отец рассказал ей, что его собственная мать, бабушка Стефани, однажды появилась рядом с его кроватью и спросила: «Ты придешь?» На следующее утро папе позвонила сестра и сказала, что их мать умерла прошлой ночью в своей постели, в своем доме на другом конце города. История зачаровала Стефани, а еще дала ей надежду, что смерть – это не конец. То, что она сейчас испытала, заставило ее пожелать, чтобы смерть на самом деле была финалом.

Еще папа любил называть ее «моя чудо-девочка», потому что она чуть не умерла в раннем детстве, наглотавшись морской воды. Она не помнила этого, но задумывалась, когда была маленькой, не сделала ли ее особенной едва не случившаяся смерть. Потому что на похоронах обоих своих дедушек каким-то образом, который Стефани до сих пор не могла объяснить, она чувствовала их рядом и у себя в голове в те ужасные мгновения, когда их гробы уезжали за красный занавес часовни одного и того же крематория в Стоке.

Но этим и ограничивалась совокупность ее столкновений со сверхъестественным. Стефани не смотрела фильмов ужасов с шестнадцати лет и не была верующей. Она всегда считала, что прежде нужно разобраться со своим местом в этом мире, а потом задумываться о следующем.

Вспоминая то, что так недавно происходило в ее новой комнате, она была поражена ощущением, будто два совершенно разных пространства открылись друг для друга или соприкоснулись.

Небо стало из макрелевого серо-белым.

Тяжелая усталость гнездилась в ее теле, но утомление помогло шоку отступить. Воспоминания о прошедшем дне вяло проплывали в ее мозгу, пока солнце поднималось из-за горизонта.

На мизинце ее правой ноги была мозоль, а икры раздувало болью; и то, и другое напоминало о трех пеших походах до крохотной съемной комнатки в другом подобном доме, в Хэндсуорте¹. Она тащила свои сумки через три мили тихих одинаковых улочек, забитых припаркованными машинами. Новая комната стоила столько же, но была намного больше, чем предыдущая, которую Стефани прозвала «камерой». В «камере» она чуть не свихнулась за первые несколько месяцев в Бирмингеме.

Усталость от переезда и двух двенадцатичасовых смен в выходные – она подрабатывала администратором на ресепшене выставки домов на колесах – загнала ее в постель, когда не было еще и десяти. Она проснулась, испуганная больше, чем когда-либо, между двумя и тремя. Через час, не отдохнувшая и взвинченная, она должна будет пойти на работу.

«Как я сюда попала? Почему это со мной происходит?»

Она пробежалась по казавшейся обыденной последовательности событий, окончившейся тем, что она сидит в постели, перепуганная, и молится, чтобы свет зари поторопился в небеса. Днем ранее чрезмерно дружелюбный мужчина, к которому она с трудом находила симпатию, – мистер Макгвайр, он же Драч, – показал ей дом № 82 по Эджхилл-роуд: старое, запущенное, но в остальном обычное здание с комнатами, которые он сдавал жильцам, копошащимся на самом дне арендного рынка.

Драч был домовладельцем и жил на верхнем этаже в личной квартире. Он показал ей большую комнату с высоким потолком, которую она была так рада снять за сорок фунтов в неделю. Комната рекламировалась на картонке в окне местного магазинчика: «БОЛЬШАЯ КОМНОТА. 40 ФУНТОВ В НЕДЕЛЮ. ТОКА ДЕВУШКИ. ОБЩАЯ ВАННА, КУХНЯ. ОЧ ЧИСТА». Еще там был номер мобильного, и Стефани, посмеявшись над ошибками, подумала,

¹ Один из пригородов Бирмингема (как и упоминаемый ниже Перри Барр)

что дом принадлежит мигрантам, для которых английский до сих пор был таинственным вторым языком. Многие из больших викторианских домов в этом районе делились на комнаты для аренды. Ее бывший, Райан, работавший в Ковентри, хорошо знал Бирмингем и говорил, что Перри Барр был в основном азиатским районом, все более популярным, однако, у мигрантов из восточной Европы и студентов Бирмингемского университета. Он говорил, что жилье здесь дешевле некуда, а ее бюджета только на «дешевле некуда» и хватало. Но в этом месте хотя бы селили только женщин, а в самых нищих районах города, среди столь неприглядных вариантов, это уже было достоинством.

В том, что она здесь оказалась, не было ничего необычного: кто угодно в ее положении очутился бы в этой самой комнате и, следовательно, испытал бы то же самое. Но, сидя в незнакомой постели, в странном здании, она чувствовала, что ее жизнь напоминает пейзаж, усеянный ямами плохих решений и неприятных ситуаций, порожденных обстоятельствами, над которыми она не имела власти. А кратеры от поспешных выборов или ударов судьбы перемешались с тенями страха за ближайшее будущее.

Неужели она всегда сама загоняла себя в подобные ситуации? Ее мачеха постоянно так говорила. «Сука». Но как это делать – как контролировать собственную жизнь, когда у тебя нет ни денег, ни перспективы получить что-то большее, чем крохи, на которые едва можно прожить? «Просуществовать» было ближе к правде. «Потому что именно это ты и делаешь: существуешь, а не живешь».

Воскресло знакомое подозрение, что жизнь еще даже не началась, а Стефани все равно находится вне ее, заглядывает внутрь, несомая течением или ветром мимо ее границ, пленница мест, где с ней может случиться что угодно.

За ночь сожаление сделалось ощутимым, и теперь было комом в горле, холодной тяжестью в животе; оно заставляло Стефани чувствовать, как ее лицо становится кислым. Съём комнаты был импульсивным, как и передача трехсот двадцати фунтов, которые покрывали залог и плату за первый месяц, человеку, который ее настораживал.

Теперь она серьезно жалела, что не позвонила Райану и не спросила, знает ли он что-нибудь об этой улице, или даже не попросила приехать и взглянуть на домовладельца. Она уже месяц не разговаривала с Райаном, но больше никого не знала настолько хорошо, чтобы обратиться с подобной просьбой. Почти все ее друзья жили с родителями, пересдавали экзамены, искали работу или стояли на бирже труда в Стоке.

Теперь, когда она хотела съехать и найти другой дом спустя всего одну ночь, Стефани беспокоилась, что Драч Макгвайр может не вернуть ей залог. А он понадобится, чтобы снять новую комнату, или новой комнаты не будет. Пока ей не заплатили за подработку, которой она занималась на этой неделе, у нее есть четырнадцать фунтов с мелочью. Если точнее – четырнадцать фунтов и тридцать два пенса, потому что когда ты на мели, считать приходится каждый пенни.

Если верить сообщению, пришедшему вчера от агентства по временному трудоустройству, пока она таскала сумки между двумя домами, следующие три дня ей предстоит проводить дегустации в торговом центре. Так что, если она не получит обратно свой залог и не найдет новое жилье, для которого не нужна характеристика от арендодателя, после сегодняшней восьмичасовой смены ей придется вернуться в этот дом. В эту самую комнату. Больше идти некуда.

Она не знала, что делать. Стефани заплакала так тихо, как могла, вжавшись мокрым лицом в одеяло. Она подумала о женщине, которую слышала ночью.

Дом слез.

Недолгий свет в небе был задушен угольно-серыми тучами, полными дождя. Скоро ей нужно будет собираться на работу.

В шесть десять мир вновь ворвался в ее одиночество и рефлексию. Трубы с горячей водой и единственная батарея возле кровати ободрающе забулькали. Воздух вокруг ее лица потеп-

лел. Где-то в доме, этажом ниже, как ей показалось, закрылась дверь. Вскоре зашумел унитаз. В комнате дальше по коридору, с окнами на улицу, заявили о себе шаги незнакомки, не прекращавшиеся до тех пор, пока в полседьмого не зазвонил будильник.

На захлавленной бетонной террасе под ее окнами заворочалась и зазвенела короткой цепью собака. Вдалеке промчалась по рассветным улицам полицейская машина. Собака хрипло, сердито рывкнула, потом посвистела носом и затихла.

Стефани вылезла из постели и нашла халат, полотенце и косметичку. Ковер захрустел под ее босыми ногами. Она отперла дверь и почувствовала, как от холода неосвещенного коридора покрывается мурашками и съезживается кожа. В свете, лившемся через дверной проем, взглянула на двери других двух комнат своего этажа. Их обитательницы затихли. Свет не сочился из-под дверей. Она не знала, кто живет с ней на этаже, и это неведение заставляло ее чувствовать себя и маленькой, и уязвимой, и испуганной. Она не так давно перестала плакать, но глаза снова жгло.

Стефани посмотрела на засиженный мухами абажур, обратила внимание на сиротливую тишину темной лестницы. Это место было прибежищем таких же, как она, бродяг. Убогий коридор, казалось, подтверждал, что теперь ее место здесь: в доме безразличия, безымянных соседей, ночного грубого кашля, скрипа древних кроватей, телевизоров, бормочущих за закрытыми дверями, тайных историй, разношерстных акцентов и чужих языков, неловких встреч в обшарпанных коридорах с незнакомками, прижимающими подбородки к ночнушкам. В доме затхлого воздуха и переполненных мусорных корзин, нарушенного уединения, мелкого воровства и новых лиц, столь же усталых и неискренне внимательных, как у прошлых соседей.

Все это она уже перевидала за шесть месяцев, прошедших с тех пор, как покинула дом. Ей нет еще двадцати, и ее глаза никогда не должны были видеть этой стороны жизни. Будь папа жив, он был бы в ярости на Вэл, ее мачеху, которая вышвырнула Стефани вон. «Тебе не понравится там, внизу. Там, внизу, с остальными», – говорил он, когда она готовилась к выпускным экзаменам, специально, чтобы сбежать из дома, искалеченного расстройством мачехиной личности – неуравновешенностью, ежедневно бушевавшей под его крышей, пока Стефани оттуда не ушла. Пути назад не было.

Вчера, когда она спросила о других обитателях дома, Драч шмыгнул и сказал: «Другие девчонки. Студентки в основном. Полячки разные – всякие тут пожили». Драч переехал из Эссекса, чтобы заняться семейным домом, но утверждал, что он коренной бирмингемец, и весь разговор шмыгал своим длинным костистым носом. «Везде. Везде перебивал. Люблю поездить, ага? Испания, што только ни назови. Везде я побывал. Все переделал».

Хотя ничего особенно конкретного ни о себе, ни о доме он не говорил, ей Драч задал кучу вопросов. Теперь, когда залог был у него, она задумалась, не намеренно ли он уклонился от разговора о других съемщиках, в то время как она приняла его короткие, невнятные ответы за равнодушие. Он скользил большими выпуклыми глазами по ее телу, но уводил взгляд в сторону, когда Стефани смотрела прямо на него.

Ей не хотелось думать о его лице. Ей не хотелось здесь быть. Уже не в первый раз с тех пор, как покинула Сток под крики мачехи, она спрашивала себя: «Что же ты натворила?»

Три

В ванной было так холодно, что Стефани задумалась, стоит ли принимать душ. Воздух кусал лицо, щиколотки и ступни. Даже с горячей водой, хлещущей в ванну и создающей пар, мысль о том, чтобы раздеться, обещала страдания.

Грязь и пыль прилипли к ступням, пока она спускалась по лестнице к общей ванной на втором этаже. Надо было надеть кроссовки, или покончить со своей нелюбовью к шлепанцам – у них есть свои плюсы.

Она потрогала батарею. Та была раскаленной, но не могла передать никакого тепла тесному помещению.

Ванная была абсолютно сухой и пыльной. Красный половик, такой же жесткий и рассохшийся, как ковер у нее в комнате, шуршал под ногами. Стены были оклеены простыми обоями водянисто-желтого цвета. В углах над унитазом и раковиной отсыревшая штукатурка покрылась темной сыпью плесени. К сливному отверстию раковины присохли старые черные волоски. Стефани задумалась: осталась бы она здесь, если бы вчера как следует осмотрела ванную? Хотя, честно говоря, бывали в ее жизни и похуже.

Присев на унитаз, она уловила какой-то намек на дурной запах который отказывался полностью раскрыть свой источник. В воздухе ванной воняло сыростью и старым ковром, но присутствовал и оттенок омерзительной сладости мяса из мусорного бака.

Вытереть грязную, потерявшую цвет эмаль ванны мокрой туалетной бумагой было лишь способом потянуть время перед входом в душ. Когда ее в последний раз чистили?

На третьем этаже был только туалет без раковины, так что альтернативы, несмотря на размер здания, не было. Но раковина и сиденье унитаза были пыльными до того, как она ими воспользовалась, что казалось странным, потому что она слышала, как здесь совсем недавно спускали воду, а значит, сюда кто-то заходил.

Насколько она понимала, на первом этаже располагалась отдельная квартира, еще одна – на четвертом, и шесть спален в коммунальной части дома: три на втором этаже, три на третьем, и только одна полноценная ванная. Жуть. Мысль о том, что кто-то не помыл руки, воспользовавшись туалетом сегодня поутру, заставила ее поморщиться. «Что за люди тут живут?»

Стефани проверила время на телефоне. «Лучше пошевеливаться».

Она положила бутылочки с шампунем и кондиционером за покрытые пятнами краны над ванной. Когда комната наполнилась достаточным количеством пара, чтобы создать иллюзию тепла, она пересилила холод и сняла халат, футболку и нижнее белье. Она не дрожала, а скорее тряслась. К тому времени, как она ступила под струи воды, ноги и пальцы рук онемели.

Окно было закрыто, батарея работала. Почему же так холодно?

Когда заря пробилась через ту часть окна, что была почище, солнце осветило оконный проем, забраный крашеной железной решеткой, приделанной к стене снаружи.

«А что делать, если пожар?»

На окнах в ее комнате решеток не было, так что, возможно, они предназначались только для защиты нижних этажей – еще одна деталь, которую она вчера упустила, стремясь выбраться из «камеры». И еще одна причина бежать отсюда.

Сама идея очередного переезда выматывала, но оставаться тут она не могла. Ей хотелось убежать в какое-нибудь знакомое место.

«Райан».

С тех пор, как она прибыла в Бирмингем, когда бы ей ни овладевали страх и неуверенность, первым делом ей хотелось позвонить своему бывшему, Райану, и спросить, не может ли она вернуться в его комнату – хотя бы до тех пор, пока не найдет работу в Ковентри или где-нибудь неподалеку. Но это будет невозможно до выходных, потому что ей нужно было отработать три дня на дегустациях. Она заработает сто двадцать фунтов. А возвращение в Ковентри будет еще и свидетельством полного отчаяния; от одной этой мысли ее чувства опускались на четвереньки, принимая обличия вины и тоски.

Она не хотела снова через все это проходить. Она не хотела быть с Райаном. В этом она не сомневалась. Ее пребывание в его комнате будет неуместным и почти невыносимым. И если она с извиняющимся лицом вернется в жизнь Райана, значит, ей снова придется спать в его постели, а ему – ворочаться на полу в спальном мешке.

Возвращение в комнату Райана, но не к нему, будет означать слезы, в основном его, и возрождение неудобства и неловкости, которыми будут полны несколько ночей в его жилище.

Им овладеет отчаянное желание снова быть с ней. Это была одна из главных причин, по которым Стефани уехала в Бирмингем в поисках работы: чтобы отрезать их друг от друга.

Эти размышления приводили ее к коротким всплескам надежды, исчезавшим в знакомом водовороте удушливого бессилия, и кончались страхом. «Ничего нового». Она всегда оказывалась в чужих домах, охваченная беспокойной тревогой или парализованная сожалениями. Как можно было быть такой душой и думать, будто она сможет в одиночку закрепиться в незнакомом городе?

Помня о времени, Стефани быстро вымыла голову, непрерывно крутясь под струей воды, с трудом вырывавшейся из покрытой накипью лейки душа. После нескольких минут неудобства она выбралась из ванны и закуталась в полотенце, стуча зубами от холода.

Единственной светлой стороной этого опыта было то, что в ванне ей больше мыться не придется. По пути с работы можно будет купить металлическую мочалку и чистящее средство в магазине «Все за фунт» и до самого переезда пользоваться только раковиной. Никто не узнает. Размышления о том, насколько терпимым она может сделать свое пребывание в доме № 82 по Эджхилл-роуд, прервал голос.

Забыв на мгновение о холоде, Стефани отступила от ванны, потому что ей почудилось, что голос донесся из слива.

Клубы пара достигали потолка. Она помахала руками перед лицом, чтобы лучше видеть. Тишина.

А потом она услышала его снова: тихий голос где-то рядом с полом. Но обращался он не к ней; казалось, говорят в угол или даже в пол. Может, этажом ниже?

Она проследила, откуда доносился голос, и задумалась: может, это жильцы с нижнего этажа, и какая-то прихоть акустики или полость в здании разносят голоса по соседним комнатам?

Стефани опустилась на четвереньки. Но половик был настолько грязен, что она немедленно села на корточки, отряхивая налипшие волосы и пыль с мокрых ладоней.

– Как меня зовут?

Стефани встала и попятилась к ближайшей стене. Открыла дверь ванной, выпуская пар, чтобы разглядеть женщину, бормотавшую всего в нескольких футах от ее лица.

Как меня зовут? – Вопрос прозвучал снизу, будто кто-то лежащий в ванне заговорил во весь голос.

И кто бы это ни был, он продолжал бубнить, словно удаляясь. Стефани почти могла разобрать слова, которые, хоть это и было невозможно, казалось, доносились из-под ванны. Она подошла ближе, сглотнула спазм и постучала по ванне, надеясь, что заставит голос умолкнуть:

– Эй! А можно...

Говорящая либо не услышала, либо проигнорировала ее и продолжила стремительный словесный поток, обращаясь то ли к самой себе, то ли к невидимому собеседнику. Женщина поспешно что-то излагала кому-то – но не Стефани.

Она опустилась на четвереньки и обшарила руками половик возле ванны, хотя не знала точно, что хочет найти. В нос ударил запах влажных тряпок с ноткой канализационной вони. Наверное, в комнате снизу дырка в потолке, и она слышит обрывки чьего-то разговора или телевизор.

Стефани прижалась ухом к боковой панели экрана под ванной.

– ...до того, как здесь... тогда. Некуда... туда, где другая... холод... меня зовут?

Должно быть, телевизор или радиоспектакль, слышный из комнаты под ванной. Голос должен был доноситься снизу. Она не хотела верить, что он может исходить откуда-то еще.

Стефани собрала свои вещи и поспешила в более теплый коридор второго этажа. На лестничной площадке она остановилась в шоке и недоумении и подумала: господи, куда же это я переехала?

Четыре

Когда она покинула комнату, одевшись для работы в сапоги, последние свои приличные черные брюки, белую блузку и пальто, в доме было еще настолько темно, что на этажах и лестнице требовался свет.

Потолочные лампы с таймерами включались ненадолго. Зажигаясь, они освещали старомодные зеленые обои, местами ободранные до штукатурки или перемежавшиеся с полосами обоев поновее, белого цвета. Исцарапанные плинтуса и древние стенные панели были покрыты таким толстым слоем краски, что невозможно было разглядеть изначально украшавшие их узоры. Если она шла достаточно быстро, то могла достичь следующего круглого выключателя до того, как за ее спиной с пугающей быстротой опускалась тьма. Не тот дом, по которому ей хотелось бы ходить ночью. Она подавила эту мысль.

С неудержимым стремлением покинуть здание Стефани сбегала вниз по лестнице. Она гадала, наберется ли храбрости еще раз переступить порог этого дома после работы, хотя бы для того, чтобы собрать вещи и отправиться... куда?

Свернув на последний пролет не покрытой ковром лестницы, ведущей в холл, она услышала шарканье кожаных подошв по паркету: шаги предшествовали щелчку замка и скрипу входной двери. Стефани вздрогнула, но потом поняла, что это, наверное, кто-то из других жильцов вышел из дома раньше нее. Ей казалось, что это мужчина. Но в комнатах жили только девушки, так что, возможно, это был домовладелец.

Если она расскажет о пережитом, то, может быть, получит объяснение звукам в доме. Стефани поспешила вниз.

Входная дверь закрылась прежде, чем она достигла последней ступеньки. Она стремительно пересекла холл, стуча и царапая каблуками по паркету, и с трудом открыла дверь.

Во внешнем мире нехотя занималось то, что в это серое время года сходило за свет, однако на дорожке никого не было, а калитка оказалась закрыта. Она не могла настолько отстать от человека, только что вышедшего из здания.

На короткой дорожке, по обеим сторонам от маленькой ржавой калитки, доходившей ей до бедер, стояли шесть мокрых мусорных баков. В остальном двор был мешаниной из сломанной плитки, мусора и высоких сорняков. Пучки мокрых листьев, свисавшие с неухоженных деревьев, шлепали по окнам первого этажа и скрывали нижнюю часть дома, поэтому вчера она и не заметила решеток. За древними белыми клетками из железных прутьев виднелись только черные занавески на окнах. Дождь шелестел флажками полиэтиленовых мешков и пакетов из-под чипсов, плененных разросшейся живой изгородью, которая скрывала фасад дома от улицы.

Охваченная потребностью в человеческом общении, Стефани отперла калитку и вышла на Эджхилл-роуд. Ее голову наполнил шум машин с т-образного перекрестка в конце улицы. Она посмотрела налево и направо. Фонари сияли желтым и освещали отвесно падавший дождь, который шел уже несколько часов. Поверхность дороги казалась маслянистой, машины – отяжелевшими под второй, водяной оболочкой, деревья – закоченевшими от холода. Тусклый и убогий мир был промокшим и пустым. Так куда же делся мужчина?

Стефани посмотрела на дом. Закопченные красные кирпичи, по которым струится грязная вода. Черные водосточные трубы. Над деревьями виднеются старые деревянные рамы окон второго этажа. Выцветшие занавески. Только верхний этаж мог похвастаться жалюзи. Внутри не было видно ни огонька. Здание казалось заброшенным. Она не помнила, чтобы вчера оно так выглядело. Наверное, дело в освещении и погоде, или в недостатке сна. Если бы солнце не выглянуло ненадолго во время вчерашнего осмотра, она вряд ли зашла бы внутрь.

Съежившись, пряча голову от дождя, она прошла к остановке в начале улицы и быстро написала Райану сообщение:

«Я СДЕЛАЛА УЖАСНУЮ ОШИБКУ [ОПЯТЬ!]
МОЖЕШЬ МНЕ ПОМОЧЬ?»

Пять

Стефани вернулась в дом после семи. Дождь все еще поливал Северный Бирмингем. Фонари на Эджхилл-роуд стояли так далеко друг от друга и светили так слабо, что дома казались размытыми и куда более негостеприимными, чем утром. Или, может быть, они выглядели угрожающе теперь, когда ей было чего бояться. Она не была уверена, но задумалась, был ли здесь хоть какой-то дневной свет, пока она работала в большом торговом центре «Буллринг» – мире стали, стекла, мрамора и показного изобилия, который выплюнул ее под дождь, как только она отбыла свою дневную повинность.

Люди, с которыми она работала, и само место выглядели равнодушными и даже отдаленно не были приветливыми, словно транслируя: «Не привыкай к нам». Она не могла не принимать это близко к сердцу.

Обычно она заводила приятелей на временных работах, во время долгих часов скуки и однообразия, всегда давивших сильнее, чем важный труд. В прошлом она даже обменивалась телефонными номерами и электронными адресами с другими работницами на складах, фабриках на обслуживании каких-то мероприятий. Но яркие лампы и магазины дизайнерской одежды «Буллринга» наделили парочку девиц, с которыми она работала, чувством превосходства, которое демонстрировали и многие из покупателей, как будто все они привыкли к роскоши и не были ею впечатлены. Обе ее коллеги считали себя моделями.

«Какая еще рецессия?» Со своими толпами, которые щеголяли дорогими прическами, новыми шмотками, смартфонами и бумажными пакетами с яркими логотипами и веревочными ручками, торговый центр казался обособленным пузырем, существовавшим за пределами любого знакомого ей мира. В то время как она дошла до закрашивания царапин на единственной паре сапог карандашом для глаз, остальные, казалось, существовали в беспроblemном достатке. Это не укладывалось у нее в голове, словно волшебство. Где все те люди, у которых, как у нее, нет денег? Прячутся по убогим жилищам, как сама Стефани?

За исключением получасового перерыва, проведенного на лавочке в «Буллринге» за просмотром на огромном экране беззвучных новостей о наводнении в Корнуолле, Йоркшире и Уэльсе, она простояла на ногах почти восемь часов. Устала настолько, что спотыкалась, говоря свое «Здравствуйте, не хотите попробовать наши новые итальянские роллы? Всего двести калорий в одной...» Она назвала двух женщин «сэрами», а к концу дня картинка в ее глазах начала рябить по краям. Ей нужны были восемь часов сна, а прошлой ночью она проспала всего три. Желудок Стефани пылал от голода.

Облегчение от конца рабочего дня испарилось при виде дома. Здание казалось более влажным и неухоженным, и еще более заброшенным, чем поутру, когда она торопливо его покидала. Оно выглядело угрюмым и жаждущим остаться в одиночестве в холодной темноте. Каким бы оптимизмом и уютом дом ни обладал раньше, они давно улетучились. Характер его казался теперь очевидным.

«Не думай так».

Стефани остановилась в коридоре, чтобы включить свет и проверить почту: реклама азиатских мини-рынков, жареной курицы и доставки пиццы вперемешку с карточками местных служб такси. Жильцам ничего не предназначалось за исключением требования оплаты счетов от «Бритиш Гэс», обращенного к какому-то мистеру Беннету. Все остальные белые конверты были адресованы «Дорогому Домовладельцу».

Маленьким облегчением было то, что она не оповестила банк и врача о смене адреса. Займется всем этим, когда найдет новое жилье в новом доме. А еще Стефани опасалась, что

если постоит еще немного, глядя на выгоревшие обои, непокрытые ковром ступени и одинокую закрытую дверь в конце холла первого этажа, то не сможет подняться в свою комнату.

«Придерживайся плана». Она репетировала его весь день. «Поешь, потом сходи к хозяину и сообщи, что съезжаешь. Спроси, можно ли оставить сумки до утра понедельника. Забери свой залог. Найди новое место за выходные. Смирись с тем, что внесенная вперед оплата за месяц скорее всего пропала, но все равно постарайся ее выбить, чтобы перекантоваться пару дней в дешевой гостинице, пока не найдешь новую комнату».

Если ей не вернут арендную плату, придется остаться в этом доме до понедельника.

«Стоп! Не думай об этом... Решай проблемы по мере поступления.

Ты сможешь. Ты сможешь. Ты сможешь».

Молча повторять эту мантру весь день, чтобы отогнать жалость к себе, казалось нелепым. Но теперь, когда она вернулась, дом источал беспощадность, удерживающую силу, которая осушает любое сопротивление.

– Он такой, каким ты его видишь, – сказал вчера Драч, ухмыляясь щербатым ртом. Но это было клише. Это была неправда. После шести месяцев вдали от родного дома она знала, что нужно сопротивляться тому, как меняют тебя эти деморализующие места. И она всегда им сопротивлялась.

«Закалка характера» – сказали бы другие о том, что она испытала. Но это тоже было клише, которым легко пользоваться, когда трудностями закаляется не твой характер.

– Ты умная девочка. И красивая. У тебя все получится, – сказал однажды папа после их тягостной поездки в Аберистуит, когда Стефани поняла, что не сможет позволить себе университет, как бы хорошо ни сдала экзамены.

«Почему ты не пришел меня повидать в ночь своей смерти, папа, и не сказал, что мне, на хер, делать?»

Стефани ненадолго задумалась, для чего используется первый этаж. Может, там тоже есть жилы? Она спешно миновала тихий второй этаж и взбежала по накрытым коврой дорожкой ступеням на площадку третьего, шлепая на ходу по выключателям, достигая следующих до того, как за спиной погаснет свет.

Она замешкалась возле своей комнаты, и этого хватило, чтобы погрузиться в резко упавшую тьму, порожденную трехсекундным таймером потолочной лампы, достигшим конца своего жалкого цикла. «Каким жадным ублюдком надо быть, чтобы так экономить на электричестве?»

Только внешнее мерцание далекого уличного фонаря, сочившееся через лестничное окно между вторым и третьим этажами, создавало какое-никакое освещение.

Стефани зажала длинный ключ в пальцах и внимательно прислушалась.

За дверь, ведущей в ее комнату все было тихо.

Она с трудом поборолла дрожание нижней губы, когда вспомнила шелест и треск полиэтилена под кроватью, скорбный голос, пружины матраса, продавившиеся под дополнительным весом. «Что творилось в этой комнате прошлой ночью?»

Может ли ночное выпрямление половиц в старом здании со смещающимся фундаментом звучать как шаги? Слышала она радио из соседней комнаты или беседу, или, может, кто-то разговаривал сам с собой? Были ли под кроватью мыши? А что случилось в ванной этим утром? Не сходит ли она с ума?

Шизофрения. Психоз.

Стефани толкнула дверь в свою комнату куда сильнее, чем намеревалась, и протянула руку внутрь, чтобы включить свет.

Шесть

Все было таким, каким она его оставила: обшарпанный пластиковый столик, старая кровать, укрытая ее фиолетовым пуховым одеялом, красный ковер на половицах, выкрашенных бурой водоэмульсионной краской, жутчайшие черные с золотом шторы, белая прикроватная тумбочка, не сочетавшаяся по времени и стилю со шкафом из фальшивого грецкого ореха. Комната, выглядевшая как потенциальное место самоубийства после долгого периода депрессии, одиночества и нищеты, была обставлена тем, что было, да мебелью из комиссионки. Гипсовые стенные панели, железная каминная решетка и плинтусы из твердого дерева намекали на буржуазную пышность, выцветшую настолько, что она стала почти неразличимой за пошлостью. Комната бедная, но в каком-то смысле слишком обжитая. Отягощенная прошлым, но опустошенная невниманием. «Отчаяние»: инсталляция, сооруженная из барахла, отданного даром на Gumtree ². Премию Тернера она взяла бы с легкостью. Стефани поразились улыбке на собственных губах и поняла, что оглядывает комнату новым взглядом; с придиричностью, порожденной смертью самообмана.

Она бросила сумочку и пакет из супермаркета на кровать, но не стала снимать сапоги, потому что половицы были пыльными, и потому что они скрипели, и из-под них слышались необъяснимые голоса.

Она задушила эту мысль. Поставила телефон на зарядку. Воткнула свой айпод в соседнюю розетку. Заперла комнату и направилась в кухню с пакетом из «Теско Экспресс». Коробочка с салатом, который нужно было съесть сегодня, и мясной пирог со столь же неумолимым сроком годности бились о ее бедро, пока она спускалась по лестнице.

Кухня была на площадке второго этажа, напротив ванной; обе комнаты общего пользования располагались перед лестницей. Другие двери в коридоре этажа удалялись от нее в сторону фасада и исчезали во тьме.

Под дверью комнаты с правой стороны она заметила теплую и приветливую полоску электрического света. Из-за двери не доносилось ни звука.

В кухне из-под лимонно-апельсинового линолеума виднелись плинтусы, окаймленные черной пылью. В один из углов был задвинут столик. Она провела пальцем по широкой угловой стойке, и подушечка потемнела от пыли. Пластиковое ведро с откидным верхом было пустым и пахло древней хлоркой. Чистящее средство и известковый налет эволюционировали в белый порошкообразный бордюр на сухой кухонной мойке. Озадаченная, Стефани подошла к старенькому холодильнику и открыла дверцу. Совершенно пустой, с решетчатыми полками. Старые пятна покрывали поверхность ящика, обещавшего «сохранить свежесть овощей». В какой-то момент холодильник опустошили, но не вымыли. Морозилка превратилась в цельный кусок льда, сломавший петли на дверце камеры.

Черные следы от пролитого вокруг конфорок электрической плиты также были давними. Она сковырнула два из них с эмалированного металла. Они выглядели как расплюснутые и высохшие черви.

Как и ванную, кухню уже долго не использовали, и прибирались здесь тоже давно. Даже мышеловки оказались старыми: приманки в них уже не было. Окаменевший черный рис мышиного помета в углах порос серым мехом пыли, словно катышки поглотил чудовищный грибок.

Драч сказал, что здесь живут и другие, так как они готовят еду? Питаются в кафешках? Еда на вынос была в таких местах не редкостью, особенно если хозяйствовали мужчины, но здесь-то, вроде как, были одни женщины. А так сразу и не скажешь. И кто может себе позволить ежедневную еду на вынос? Не те, кто здесь живет. Мельчайшая крупинка ложной надежды, что

² Gumtree – сайт для размещения объявлений, обычно о продаже.

Стефани сможет посидеть здесь с другими девочками за чашкой кофе, жалуясь на работу, пока на плите с шипением жарится общая картошечка, погасла, как последняя искра в холодном камине.

Однако же, включив микроволновку, чтобы посмотреть, работает ли та, и, повозившись с кнопками, меняющими сообщение на экранчике с «ПРИВЕТ» на «РАЗМОРОЗКА» и «УКАЖИТЕ ВЕС», она услышала снаружи шаги: высокие каблуки прошли по паркету нижнего этажа, прежде чем подняться по лестнице на второй.

«Девушка!»

Заранее подготовив самую теплую свою улыбку, Стефани подошла к двери кухни.

– Эй! Привет! – позвала она.

Звук шагов смягчился, когда они достигли ковра на площадке второго этажа и направились на третий, не замедлившись. Разве Бирмингем не должен быть дружелюбным? Большим сердцем Англии? Придется ей выползти из задницы Англии прежде чем найти сердце.

– Привет. Здрасьте, – сказала Стефани и вышла в коридор перед кухней.

Девушка миновала первую часть лестницы на третий этаж. Стефани немного увидела, лишь грациозный силуэт на фоне незанавешенного окна на лестничной площадке.

«Она живет на моем этаже». Эта мысль так взбудоражила Стефани, что она отчаянно хлопнула по выключателю на стене снаружи кухни. Но девушка уже направилась по лестнице к третьему этажу, оставив Стефани только приглушенный стук высоких каблуков.

– Эй. Извини. Я только хотела познакомиться...

Окутанная запахом духов девушки, Стефани последовала за шагами. Запах был сильным, но приятным. Ей показалось, что она его знает – наверное, когда-то нюхала пробник в «Дебенхэмс». Когда Стефани повернула на лестнице и показался третий этаж, свет внизу вырубился со щелчком и оставил ее в темноте.

– Эй. Привет! – ее голос стал резким; она только хотела поздороваться с соседкой. Та должна была ее услышать. И очень странно, что девушка так быстро поднялась по лестнице и не включила свет. Должно быть, она давно тут живет, раз преодолевает рельеф местности столь уверенно.

Стефани поднялась на третий этаж и потянулась к ближайшему выключателю. Стук каблуков и шорох одежды удалялись от нее в темноте, и быстро к тому же, словно при беге. В скважине загремел ключ.

– Привет, – повторила Стефани, на этот раз еще громче, и включила свет, который ненадолго показал женщину, заходившую в комнату напротив ее собственной, посреди коридора. Недолгий взгляд на длинные светлые волосы, бледное лицо, обтягивающие джинсы и темные туфли на высоком каблуке – вот и все, что ей досталось, прежде чем дверь захлопнулась и была заперта. Внутри комнаты щелкнул выключатель.

– Ну, как хочешь.

Стефани вернулась в кухню; ее шагам аккомпанировал сердитый лай собаки, доносившийся с улицы. Лестничный сквозняк пах мокрым двором, и она поежилась. Девушка стремилась избежать контакта: ее движение через темноту ускорилося, когда Стефани заговорила. Бегство. С чего бы это?

«Ты здесь недолго пробудешь, так что не забивай себе голову. Может, она и считает себя гламурной кошечкой, но живет-то в этой жопе».

В кухне Стефани распахнула двери шкафчика у плиты и обнаружила две тарелки. Она сполоснула их под холодной водой, потому что средства для мытья посуды не было, а потом поставила пирог в микроволновку. Есть она будет у себя в комнате. В таком месте иначе нельзя.

Невежливая девчонка в темноте заново разожгла ее боевой дух. Как только она расправится с едой, то сразу поднимется и поговорит с домовладельцем. Неудивительно, что он не высовывается, сдавая такую дыру. Он был в восторге от ее интереса к комнате, и жалкий энту-

зиязм Стефани сделал ее легкой добычей. Драч буквально трясся от счастья, когда она вручила ему триста двадцать фунтов.

Триста двадцать фунтов наличкой!

Семь

Дверь в квартиру Драча Макгвайра была изукрашена, словно парадный вход в дом богачей из Западного Мидленда. Она щеголяла бронзовым дверным молотком и глазком, и блеском светлого дерева, намекая, что посетитель прибыл в непростое место, и, вероятнее всего, недооценил значительность людей внутри. Вид входа в квартиру домовладельца еще сильнее укрепил подозрение Стефани, что все ее предположения относительно здания и людей в нем могут быть совершенно неверны.

Еще страннее была маленькая камера видеонаблюдения, установленная высоко на стене над дверью. Не новая, а из тех старых, что выглядели, словно кинокамеры формата «Супер 8», приделанные к опоре.

Стефани постучалась, и прошла почти минута, прежде чем были отперты несколько замков и цепочка выехала из защелки. Дверь приоткрылась на пару дюймов. Показался один глаз, голубая радужка которого была так бледна, что вызывала мысли о морской живности, а с ним нос вроде лошадиного – не как у королевского скакуна, а скорее как у клячи, искривленный тяжким трудом и драками. Нимб кудрявых волос озарялся тусклым светом.

– Чего?

Стефани подняла взгляд к камере.

– Все нормально, я вас не грабить пришла.

Драч не улыбнулся.

– Што за проблема? Вечер на дворе. Говорил же – если чего сделать надо, сообщай до шести.

«С чего начать?» Стефани удержалась и не стала рекомендовать снос.

– О, нет, не в этом дело. Мне просто нужно с вами поговорить. Кое-что случилось. Мне, э... Мне надо съехать.

– А? В смысле? – Это был скорее агрессивный вызов, а не вопрос, и ее решимость пошатнулась, словно неожиданно оказалась на тонком льду. И так же быстро Стефани напряглась, раздраженная его тоном.

Дверь открылась на целый фут. Проем заполнило лицо Драча, а следом за ним одно голое плечо и рука. Рубашки на нем не было, только мягкие спортивные штаны, из-под которых виднелась резинка трусов «Кельвин Кляйн». Одежда выглядела новой; вчера это было не так.

Тело домовладельца было похоже на те, что она видела у наркоманов и женщин с расстройством приема пищи: тонкая кожа, натянутая на шишковатое лицо и жилистые конечности. Стариковская костлявость в нестаром теле. Она всегда гадала, работают люди над таким «видком» или он у них в генах. Казалось, они вступили в пожизненную вражду с телесным жиром, и в итоге внешность их бросалась в глаза, но не привлекала. Волосы, однако, недостатка в питании не испытывали: они были густыми и настолько ухоженными, что она заподозрила в них парик. Пышные кудри вокруг стареющего лица. Мужчина средних лет в одежде подростка.

– Я передумала. Насчет комнаты. Я пришла забрать залог.

Драч сощурился, и в одно мгновение она поняла, что разозлила его. Он быстро расслабил лицо, шмыгнул и переменял тактику. Он собирался убеждать, юлить и уклоняться – на такие выражения лиц Стефани за свою жизнь насмотрелась.

– Я щас не готов это обсуждать. Я к тебе завтра зайду...

Она оборвала этот словесный поток, пока он не разлился рекой:

– Я завтра работаю. Выхожу рано. Это много времени не отнимет.

Вчера, во время разговора, он ей сразу не понравился, но Стефани знала, что большинство хозяев в таких домах – поганцы; это подразумевалось по умолчанию. Дома для сдачи в аренду манят к себе жулье. Однако отчетливо было заметно, что он обожает звук собственного голоса, обожает делиться собственными мнениями и «мыслями», уходя при этом от ответа.

Стефани подозревала, что он еще и рисуется, поскольку она была молодой и привлекательной, а ему хотелось выглядеть умудренным жизнью. Она не планировала задерживаться надолго – максимум на несколько месяцев, пока не найдет работу в Лондоне, – и поэтому решила, что сможет его потерпеть. К тому же, он был некрупным и не источал похоть или враждебность. А еще здесь жили другие девушки, он так сказал, и этот факт ее ободрил. Но насколько внимательно она на самом деле оценивала Драча, если так жаждала отыскать другую комнату не больше чем за сорок фунтов в неделю? Спустя всего одну ночь под крышей дома № 82 по Эджхилл-роуд в нее обвиняюще вгрызалось понимание, что она подавила свои подозрения и инстинкты. В груди Стефани пылала изжога досады.

Направлял вчерашнюю беседу именно он, а она ему позволила. Оба они были неискренне веселы и источали позитивную энергию, потому что он был близок к деньгам, а ей так хотелось комнату. Совсем не редкий обмен шкурными интересами, за который она сейчас презирала себя.

Когда Стефани спрашивала о центральном отоплении, о душе, он, казалось, развеселился, чуть заметно усмехнулся и сказал:

– Все это, все это, – «это» произносилось как «енто», – установлено. Самолично сделал. Этому меня папаня научил. Как мастерить, типа.

Но сегодня вечером темперамент Драча претерпел изменения, и он пытался отогнать ее от своего порога.

– Я занят. Люблю отдохнуть вечером. Штоб никто не тревожил. Я, веришь, очень замкнутый. Сама-то не захотела бы, штоб я стучался к тебе, когда ты устроишься на вечер.

Она подозревала, что, прогоняя ее, он пытался еще и навязать видение себя. Она ненавидела это во взрослых мужчинах, которые знали, что не привлекают ее. И очень ему нравилось слово «вечер». Видимо, Драч думал, что оно придает ему авторитета, культурности, респектабельности. Жулик с претензиями.

Она заговорила медленно, но не смогла избавиться от напряженности в голосе:

– Прошу прощения. Но еще даже не девять. Я работала весь день. И мне нужно разрешить этот вопрос сейчас.

– Тебе нужно разрешить вопрос, – повторил он за ней саркастично, и она заметила проблеск редких зубов между полными губами, которые выглядели до нелепого чувственными среди всех костистых впадин его лица. – Сейчас не время и не место, штоб разрешать такого рода вопросы.

Он напускал на себя интеллектуальность и думал, что был умен. Из-за этого она еще тверже решила выбить и залог, и плату.

– Ну, то есть, на мне и рубашки нет, – добавил он, думая, что это смешно. Он показал еще большую часть своего торса и был им горд. Пусть и худое, тело его было мускулистым, и он хотел, чтобы она заметила его «кубики». – Но вот што я тебе скажу. Я скоро к тебе спущусь.

Ее переполнила злость, которая и на самом деле была такой горячей и красной, как о ней говорят.

– Это не займет много времени. Мы можем...

– Я не буду говорить полуголым на пороге, девочка. Мне это обдумать надо, типа. Ты была очень щаслива снять эту комнату. Прямо ключ у меня из руки вырвала. А теперь пришла ко мне на порог требовать деньги, которые, будем друг с другом честны, уже и не твои.

– Я совершила ошибку. Все меняется. Мне нужно... – она замолчала, разозлившись на себя за то, что включила в разговор слово «нужно»; она уже утратила позиции.

В восторге от ее раздражения, Драч посмотрел на нее свысока и улыбнулся. Он издевался над ней. Никакая юбка не выбьет из него денег.

Стефани развернулась, чтобы спуститься по лестнице, но была настолько взвинчена, что на мгновение потеряла равновесие.

– Осторожно, а то никуда не переедешь, если ножку поломаешь.

– Так осветите эту халупу как следует! – слова вырвались у нее изо рта прежде, чем она успела их обдумать.

Улыбка Драча обратилась оскалом. Даже в темноте его лицо выглядело побледневшим.

– А ты дерзкая девочка.

– Это небезопасно, – ее голос утратил силу.

– Критикуешь и жалуешься, и такими словами кидаешься в доме моей мамочки. Ты и пяти минут тут не пробыла. Чего с тобой не так?

– Ничего. Все со мной нормально. Мне тут не нравится. Я ошиблась. Я передумала. Люди могут изменить свое решение.

– Хорошо, што ты не парень. – Его голос стал ласковым, и это было хуже, чем рывканье с брызгами слюны.

Стефани похолодела. Кажется, только тогда она осознала самое очевидное в этой ситуации: она пререкалась с упрямым агрессором, бессовестной полуголой рептилией на лестнице темного дома, в котором никто не хотел с ней знаться.

Он снова улыбнулся – оскал исчез, довольный тем, что его поняли, что он унизил и запугал ее.

– Как я и сказал, я сделаю исключение из правил и спущусь к тебе, когда буду готов.

Стефани отвернулась, чтобы спрятать слезы ярости и злости, застелившие ей глаза. Она спустилась в свою комнату.

Восемь

Она уже не плакала к тому времени, когда Драч постучался к ней в дверь, но знала, что глаза у нее все еще красные. Был уже одиннадцатый час. Он дал ей помариноваться. Никогда раньше она не пускала слезу, чтобы добиться сочувствия от мужчины, который не был ее парнем, и даже в отношениях не делала из этого привычки. Она плакала не ради манипуляции Драчем Макгвайром; расстройство ее было настоящим, но Стефани была не против, чтобы он узнал, как она огорчена, если это поможет ей вернуть залог и часть оплаты. От понимания этого ей сделалось только хуже, но какие у нее были аргументы кроме слез?

Стефани открыла дверь и отошла в сторону.

– Проходите.

Драч вошел из затхлой темноты коридора. Свет выключился за то время, что он ждал, пока она вытрет нос и успокоится.

Неявный и неприятный запах дома перебивался вонью его лосьона после бритья. Стефани молилась, чтобы Драч натерся им не ради нее.

– Ладненько. Надеюсь, настроенье у тебя получше. Подумал, што дам тебе чуть остынуть. Не люблю, когда мне грубят в собственном доме.

– Простите, что я сорвалась... Я сейчас немного под напряжением.

– Никогда бы не догадался, милая.

Драч не спеша прошел внутрь; в тандем к тренировочным штанам он надел белую спортивную майку. Кроссовки на нем были только что из коробки. Лаймово-зеленые и, судя по виду, дорогие. Со шнурка свисал ценник, как будто он просто примерял их перед покупкой. Он оглядел комнату, довольный тем, что видит:

– Нормальное местечко. По такой цене лучшее не найдешь. Не знаю, чего ты жалуешься.

Ей придется врать.

– Дело не столько в комнате. Я нашла новую работу. В Ковентри. Только сегодня узнала...

– Чего будешь делать?

– Мне надо переехать туда в эти выходные...

– Што за работа-то?

– Колл-центр. Он...

– Не знаю, чего ты с этим заморачиваешься. Говно ведь. Говенная работка. Никаких денег на такой не заработаешь. Я сяду?

Он вытащил стул из-под стола и устался на ее сумки, полностью собранные и готовые к эвакуации.

– Время не тратила, ага?

– Мне надо быть в Ковентри к вечеру понедельника.

– К понедельнику! А ты не стесняешься набрехать, ага? Требуешь, значит, залог обратно, и жилье тебе не нравится, а все равно хочешь остаться до следующей недели?

– Только сумки оставить. Я в другом месте переночую.

– Делаешь чего хочешь, типа. Я тебе говорил, когда ты осматривалась, предупреждай за месяц. Я на неделю не сдаю. Не такое тут место.

– Я понимаю, но эта работа только возникла, и...

– Удобно как. Ну правда, только заехала, а через день новая работа? Прости, милая, я думаю, ты врешь. Лапшичку вешаешь.

– А какая разница? Я могу выселиться, если захочу. Я не обязана рассказывать вам о причинах. Но я хотела объяснить, почему мне надо съехать, из уважения. Я отдала вам деньги за месяц вперед, так почему следующий понедельник – это проблема? Я оплатила четыре недели в этой комнате. И никакого ущерба не нанесла. Но мне нужен мой залог, чтобы снять новую комнату. Мне не кажется, что это необоснованно. Я не могу выбрасывать такие деньги на ветер. Я не в том положении.

– Не в том, это верно, а то не пришла бы ко мне искать жилье за сорок фунтов в неделю. Это тебе не пятизвездочный отель, куда приходишь и уходишь, потому что отвалила кучу денег, типа. И што значит «мой залог»? Дай-ка я тебе кое-што объясню: когда ты отдала мне этот залог, деньги перестали быть твоими. Они мои, пока месяц не выйдет, типа. Мы договорились, что ты сообщишь за месяц. А я бизнесмен. Я не люблю, когда меня за нос водят. Я занятой человек.

– Пожалуйста. Мне нужно... я хочу получить эту работу.

– А я тут при чем? Это твои дела. А этот дом – мое дело. Платишь деньги – идешь на риск. Всякое случается. Мне ли не знать. Но бизнес есть бизнес, а ты согласилась на условия контракта.

– Нет никакого контракта. Я ничего не подписывала. Вы сказали, что «всем ентим не заморачиваетесь». Если я пойду в полицию...

Преображение волной прошло по его лицу, по телу. Она едва могла осознать изменения в выражении его лица, оттенке кожи, языке тела, и что они значили. Такие же перемены Стеффани спровоцировала наверху, когда противилась его словам, только теперь она заговорила о полиции и передразнила его голос.

Кожа на лице Драча побледнела, не до белизны, а до сероватого, как у шпаклевки, цвета. Он устался мимо нее, вдаль. Встал. Руки его тряслись. Он заходил взад-вперед: шаг туда, шаг обратно. Ужасная тишина, казалось, набухла и уплотнялась вокруг нее.

Словно боксер, Драч Макгвайр вращал головой и напрягал руки. Мышцы на его предплечьях и бицепсах выпирали, как канаты. Глаза превратились в щелки, но проблеск радужки стал ярче на фоне бледной кожи; даже веки утратили цвет, а каштановые волосы стали казаться темнее, почти что шерстью, отчего лицом он сделался еще больше похожим на труп, чем обычно.

Это было лицо из тех, что бодаются, и плюют, и кусаются; она помнила такие по скверным пабам в Стоке.

Стефани напряглась и почувствовала острую необходимость успокоить его и выставить из комнаты, которую она сама так отчаянно желала покинуть. Ситуация неожиданно показалась ей тупиковой. Что-то глубоко внутри нее начало бормотать, и, похоже, это была паника. В ее воображении расстояние от кровати, где она сидела, до входа в здание казалось бесконечным.

– Я извиняюсь. Я не хотела все осложнять.

– Ты мной пользуешься. – Его голос был чуть задыхающимся, но звенел от эмоций. – Делаешь из меня манду.

Это слово, казалось, убрало преграду, которая сдерживала его ярость. Он начал кивать головой, и его тугие кудри задрожали – будто одобряли это внезапное преобразование, будто раскрылось великое предательство. Из него и раньше пытались сделать одну из этих штук и Стефани полагала, что последствия были ужасными.

Шрамы на его переносице, одной из скул и в большой ямочке на длинном подбородке побелели, акцентируя раввавшиеся наружу слова:

– Я тебе услугу оказал, а ты извернулась и решила сделать из меня манду.

Теперь это слово прозвучало как фамилия создателя туберкулиновой реакции: Манту. Его уколотое самолюбие распухло и чесалось, что напомнило ей о мачехе: упор всегда делался на слово «меня».

Казалось, что ее ноги наполняются теплой водой. Стефани поняла, что когда женщины смеются над такими лицами, их собственные оказываются разбитыми. Ей представились глаза, заплывшие и ослепшие от побоев.

«Это еще откуда взялось?»

От полного осознания своего положения – одинокая девушка против неуравновешенного чужого мужчины – у нее перехватило дыхание. Вот как это случается с женщинами. Надо было позволить ему разглагольствовать, а не доводить до вспышки животной ярости, как мачеху и последнего парня. Слава богу, он не был пьян; это было единственное, что могло ее спасти.

– Ничего ты обо мне не знаешь. Ни обо мне, ни о моем прошлом. О моей семье. А если б знала, не было бы вот этого. – Он изобразил в воздухе костлявыми пальцами шлепающий губами рот:

– А? А? А?

Он едва мог говорить от злости:

– Вот ты и затихла.

Его замечание заставило Стефани подумать, что он часто сталкивался с людьми, которые были с ним не согласны, и заставлял их затихнуть. И просто обожал им на это указывать, добавляя к страху унижение.

Потребность заговорить завибрировала у нее в горле, отдаваясь дрожью в челюсти. Глаза словно застлало пеленой.

– Прекратите. Прекратите это! Мне не важно... Я просто хочу съехать... – последние слова, казалось, выходили тяжелыми сгустками. Она прижала к носу скомканный в кулаке платок в последней попытке сохранить достоинство. Дом, казалось, вознамерился его уничтожить.

– Лады, лады. Уймись. Ага? Уймись. Не люблю, когда ревут, ага?

Она не была уверена, выражал ли он сочувствие или отвращение, но это была хотя бы не злоба.

Его тело расслабилось так же быстро, как напряглось.

– Ну что за херня, девочка? До чего ты себя довела? Не пробуй такого с честными людьми, если не готова к последствиям, ага? Тебя, што ли, этому не учили? А? Право слово, што ты себе думала, пытаясь меня обдурить? Много кто узнал, что с Макгвайрами такое не проходит.

– Я не... Я не...

– Да, да, не надо тут. Я тебе скажу, чего ты думала, ты думала, что я типа debil, да? Которого можно обжулить. Ага? Который купится на милую мордашу, хлопающую ресничками, ага? Не в деньгах дело. Я много получаю. Восемьдесят, девяносто тыщ иной год. Спорим, ты и подумать не могла? Дело в принципе, вот што я тебе в башку вбить хочу. Пофиг, один фунт или тыща, принцип один и тот же. Так меня батя научил. Жалко, что твои родители поленились.

Стефани перестала плакать. Он был не просто тиран, он был хам и грубиян. И ей хотелось сказать ему, что он тиран, хам и грубиян, и даже хуже. Ей доводилось встречать неприятных мужчин, на большинстве ужасных работ, которые она вытерпела, и в каждом баре, где стояла за стойкой. Но прямо сейчас она не могла вспомнить, сталкивалась ли с кем-то омерзительнее Драча Макгвайра. Как человек он был на одном уровне с ее мачехой. Она вспомнила искусственное дружелюбие, которое он изображал при первой встрече... в точности, как Вэл.

– Так вот, я человек не злой. Я не хочу, штоб ты расстраивалась. За кого ты меня держишь? Денег у тебя нету, это каждому видно. У всех бывают тяжкие времена. Сто шестьдесят – для меня ерунда. Я такие бабки на одежду трачу каждую неделю, и не задумываюсь даже.

Стефани осмотрела его новые кроссовки наглого, флуоресцентно-зеленого цвета, и догадалась, что ее залог уже недоступен.

– У кой-кого из нас хватает ума, штобы не тратить жизнь на колл-центры или раздачу жратвы в Буллринге. – Он издал фыркающий смешок и, казалось, ожидал, что она присоединится. Стефани и забыла, что проболталась ему об этом. Что еще она рассказала?

– Тебе нелегко пришлось. Можешь мне даже не рассказывать, ага? На тебе оно написано. Мамка твоя больше не хочет, штобы ты с ней жила. Не так и удивительно, если уж честно, с твоим-то языком. Твой бедный старый батя умер. Я это все понимаю. А ты на мели. Я даже не хотел, штобы у меня в доме кто-то жил. Забыл, что реклама торчит в витрине у этого тюрбанника. Но когда ты позвонила, я понял – этой девчоночке тяжко живется. Даже парень ее послал. Полоса неудач у нее, типа. И я подумал: надо ей помочь. Не первый раз у нас в семье подбирают приبلуду. А потом ты берешь и за дебила меня принимаешь. Хорошо еще, кузена моего нет. Он не я; он в таких случаях лясы не точит. Он человек суровый.

Драч увидел, как в ее глаза возвращается страх; страх, который Стефани не могла скрыть. Он улыбнулся.

– Не бойся, он щас не здесь. Он на юге кой-какими делами занимается, пока я с этим местом разбираюсь. Никто тут не жил с тех пор, как мама с папой померли. – При мысли о них его глаза увлажнились. – Это мой семейный дом. Пойми уж, мне не нравится, когда его не уважают. Он для меня много значит. Не уважаешь этот дом – не уважаешь моих маму с папой, и не уважаешь меня. Мне тут бродяжки не нужны. Я здесь вырос. Я кого попало на порог не пускаю. У мамы с папой были жилыцы, и я подумал, что одна бездомная девочка мне не навредит.

Стефани резко перестала кипятиться. Ощущение безнадежности, которое словно парализовало ее гортань, и все прочие чувства, кружившие у нее в голове и в сердце, обернулись подозрением. Она нахмурилась.

– Но вы говорили, что здесь живут и другие девушки. Сколько их?

Казалось, собственная болтливость смущала его теперь, когда он разогнался и нашел внимательную слушательницу.

– Я ж говорил, люди приходят и уходят. Я им помогаю. Хотя не обязан. Не нужны деньги, когда зарабатываешь столько, сколько я. Но это у меня в природе – помогать людям. Семейная черта. Всегда была. Но погладь нас против шерсти – сразу об этом узнаешь, уж поверь мне. У нас в семье сердца большие. Мамочка моя...

Она не могла больше слышать ни единого слова. Они словно скрежетали внутри нее, заставляли таращиться в ошеломленном молчании, слушая его лживое самохвальство. Она

знала о нем больше, чем хотела. Они разговаривали лишь трижды, и теперь, когда триптих бесед лицом к лицу был завершен, ей было плохо от гнева. Плохо до тошноты. Стефани ненавидела себя за слезы, за то, что он так легко заставил ее плакать, за то, что сдуру очутилась здесь, и за то, что рассказала ему о себе так много.

Рассказала ведь? О чем она думала?

– Пожалуйста, уйдите.

Драч посмотрел на дверь, потом переместился на несколько футов, чтобы ее загородить.

– Пстой, пстой. Не надо драмы. Ты здесь только поселилась. Дай старому домишке немного времени, типа. Обживись. Вот што я сделаю...

– Нет. Я съезжаю.

– Чего я терпеть не могу, девочка, так это когда меня прерывают. Сечешь? Я вроде дал понять, что грубости не терплю, ага?

Стефани со злостью посмотрела на него, но промолчала. Она может убраться отсюда за десять минут. Вызовет такси. За одиннадцать фунтов ее довезут до центра города.

«А потом что?» Если она потратится на такси, у нее не останется ни пенни до пятничной зарплаты.

– Ну, я знаю, што его надо чуть подкрасить да подлатать. Весь дом. Поэтому цена и соответствует теперешнему состоянию, ага? Поэтому я и вернулся сюда, в родной старый городок. И когда я с этим местом разберусь, оно вернется, да? К прежнему блеску. Ты его и не узнаешь. Мы с кузеном не просто красавчики. Но пока што, ага, я сделаю так, штобы тебе было поудобнее. Как тебе? Честное предложение. Может, телик поставлю? У нас есть лишние. Креслице мягкое. Штобы было где посидеть, што посмотреть, ага?

– Нет, спасибо. Мне надо уехать. Работа...

– Нет никакой работы. Мы это уже выяснили. Ничего у тебя нет, только шмотки, в которых ты стоишь. И правду сказать, милаха, шмотки неказистые. А работу ты не найдешь, если будешь выглядеть как бродяжка без адреса. Встречают-то по одежке. Но у тебя теперь есть приличное жилье. Работа будет потом. В Ковентри мест не больше, чем тут. Везде одно и то же. Страна в жопе. По крайней мере, те, кто не знают, чего делать. Как себе помочь, типа. Потому што никто тебе в этой жизни помогать не станет. Мамочка заставила меня это усвоить. Твоя небось тоже пыталась тебе объяснить, да ты языком трепала. Пора, типа, начинать думать повзрослому. Пора начинать слушать. И куда это ты так поздно вечером побежишь, э? К парню? Какому-то пацану, который тебя выставил? Умный ход.

– Перестаньте! Вы меня не знаете. Вы ничего обо мне не знаете.

– Ты удивишься, столько я всего обо всем знаю. Только дурак иначе подумает о Макгвайре, девонька. А у кого из нас есть домик с шестью спальнями и обустроенным чердаком, а? У кого свой бизнес? У меня. Не у тебя. У тебя ничего нет. Но я протягиваю руку. Помощь предлагаю. Первая ступенька в лестнице. Кусать меня за палец – последнее дело, сестренка.

– Понедельник. Это мой последний день.

– Ой, какая ты упрямая. Не знаешь, што для тебя лучше. Ну ладно, понедельник так понедельник. Как хошь. Заплатила за месяц – можешь жить месяц, а можешь валить хоть щас. Мне же легче будет, честно. Только залога ты не получишь. Это не обсуждается. Ты нарушила договор. Я што тебе, благотворитель?

Драч ухмыльнулся. Она долго молчала, пока он стоял, подняв бровь, и ждал, что она будет спорить.

– Опять ты затихла. Потому што знаешь, сестренка, што сказать тебе нечего.

Он вышел в дверь боком, пружинящей походкой, довольно склонив набок кудрявую голову.

Стефани подскочила с кровати и захлопнула дверь.

Она услышала, как снаружи стихли шаги Драча, словно он думал, не вернуться ли, чтобы отчитать ее за хлопанье дверями, как будто она была подростком, закатившим истерику. Стефани снова вспомнила о Вэл, своей мачехе, и ей захотелось кричать.

Она повернула ключ в замке так быстро, что вывернула запястье, а потом прижалась к двери и ждала, пока не услышала, как заскрипели ступеньки, ведущие к его квартире. Вдалеке захлопнулась дверь.

Стефани легла на кровать и закрыла лицо руками.

Девять

Когда Стефани раздевалась перед сном, квартирантка из комнаты напротив начала плакать.

Должно быть, это ее Стефани мельком видела раньше. Высокая девушка с приятными духами издавала теперь дрожащие рыдания, и через две стены до Стефани доносились звуки, полные того отчаяния, которое поднимается с самого дна легких, от которого в горле жгучий вкус, как от морской воды. Этот звук прекрасно сочетался с ее собственным положением и самим домом, где словно бы процветало несчастье.

Вся обида Стефани на то, что девушка отказалась ее замечать, испарилась. В этом горе слышалось все, что способно сделать жизнь невыносимой.

«Плохо дело». Она не сможет просто лежать в кровати, купаясь в жалости к себе, и слушать вот это.

Соседке по коридору было очень больно. Ее отчаянием могло объясниться и то, почему она раньше не заговорила со Стефани и даже не замедлила свой бег к комнате; может, она была просто не в состоянии с кем-то общаться.

Но была ли это та же самая женщина, которую она слышала прошлой ночью за камином?

Это не могла быть она, потому что голос в камине доносился с другой стороны – кажется, из другой части дома. Так что здесь могут жить две глубоко несчастные женщины. Три, если считать ее саму.

Еще одна мысль настигла Стефани. Другая квартирантка может быть в том же положении, что и она: на мели, под давлением, под угрозой насилия за непокорность, увязшая, загнанная в угол... Преувеличивает она, или таков и был подтекст недавнего разговора с домовладельцем?

«БОЛЬШАЯ КОМНОТА. 40 ФУНТОВ В НИДЕЛЮ. ТОКА ДЕВУШКИ». Почему?

Стефани отперла дверь своей комнаты и вышла в коридор.

И встала как вкопанная, не дотянувшись до выключателя.

Ощущение было сродни выходу на улицу без пальто. Температура воздуха резко понизилась – чудовищный холод дал о себе знать, как только ее окутала плотная тьма. И запах, заставивший ее замереть – запах вроде того, что бывает внутри деревянных построек, с нотками пустоты, пыли и старых опилок, как в дровяном сарае. Ее охватило чувство, что она только что ступила в какое-то другое здание. Или прежнее место изменилось так кардинально, что с тем же успехом могло быть чем-то иным.

Одинокий уличный фонарь за пределами сада скупое высвечивал силуэт деревянных перил и бледный кусок стены возле лестницы. Полоска света, падавшего из комнаты Стефани, выхватывала темный ковер и обшарпанный плинтус. Красная дверь напротив была едва видна.

Но странно – ее радовали эти смутные намеки на неказистый интерьер здания, потому что они были реальными, в то время как она чувствовала... Да, теперь она могла лучше ее распознать... она чувствовала острую скорбь. Покинутость. Как в первое утро после смерти ее папы. Бездна, воплощенную в полной мере, удушливую и изнурительную одновременно: такую, что сведет тебя с ума, если не пройдет за несколько минут, если не наступит

облегчение. Но то, что она чувствовала этим вечером за дверью своей комнаты, было хуже, потому что неподъемное одиночество той, которая на самом деле его испытывала, не заканчивалось. Вот что было самым странным.

Это настроение или чувство, затопившее материальное пространство коридора, не осознавалось как принадлежавшее ей, как порожденное ее собственными эмоциями. И эта убежденность – что Стефани поглотило чье-то чужое отчаяние, что она, по сути, ступила в его орбиту – какой бы иррациональной она ни была, придуманной тоже не казалась.

Или нет?

Теперь, когда и сама она вышла за пределы уравновешенного состояния рассудка и того, что считала подлинной безопасностью, сделав всего лишь обычный шаг за порог комнаты, Стефани услышала собственное хныканье. И, потрясенная звуком своего тихого плача в холоде и полумраке, безбрежном до головокружения, ударила по выключателю на стене.

Но ужасные ощущения пережили неожиданное пришествие света в коридор, и рыдания объятий горем девушки тоже не унялись.

В комнате напротив свет не горел. Ее обитательница рыдала в темноте.

Стефани заставила себя пересечь коридор, чтобы зайти к плачущей девушке. Она постучала в дверь.

– Привет. Пожалуйста. Мисс. Мисс, пожалуйста. Могу я помочь? – Она снова постучала раз, затем второй, и отошла назад.

Но девушка была неутешна, неостановима, и голос соседки ее не отвлек.

Стефани решилась на еще одну попытку и сказала двери:

– Я просто хочу, чтобы вы знали, что можете со мной поговорить. Если хотите. Я живу в этом же коридоре. В комнате напротив.

Девушка начала говорить, но не с ней и не по-английски. Кажется, по-русски. Язык был таким же сложным и быстрым, как русский, разговоры на котором она раньше слышала; слова с трудом пробивались через всхлипы.

– Английский? Вы говорите по-английски?

«Просто открой дверь, – хотела крикнуть Стефани. – Мы можем общаться взглядами, выражениями лиц. Я даже обниму тебя. Только перестань, пожалуйста. Это чересчур... чересчур для меня...»

На улице гавкнула и прыгнула на всю длину цепи собака Драча.

Внутри дома, двумя этажами ниже, послышались громкие шаги, выбившие стремительную дробь из паркета.

Шаги поднялись по лестнице на второй этаж. Потом начался шумный, спешный подъем к площадке третьего.

Стефани не двигалась, не знала, что делать. Пусть и заинтересованная появлением нового жильца, она пугалась стремительной и громкой природы движения, которая также намекала, что вызвано оно было отчаянием девушки.

С щелчком погас свет. Стефани повернулась к выключателю, но смогла только прикрыть рот, из-за... чего? Движение воздуха. Неожиданный запах... что это такое? Пот? Застарелый мужской или животный пот.

Она выдохнула, чтобы изгнать зловоние из легких. Вспомнила грибной запах, который чувствовала, усевшись в автобусе позади мужчины, не имевшего никакого представления о личной гигиене. В том, что она чуяла здесь, присутствовало злое возбуждение, порожденное дурным нравом и выпивкой. Этому сопутствовало внезапное отвратительное ощущение, будто она извивается в поросших густым волосом руках, не в силах вдохнуть. Она не знала, почему вообразила такую картину, и была слишком перепугана, чтобы понять, но казалось, что смрад гнало по дому целеустремленное, мускулистое насилие.

Горячая животная вонь, в которой теперь чувствовалось еще и заболевание досен, застила аромат старого необработанного дерева с такой полнотой, что Стефани засомневалась, существовал ли вообще запах пустот под половицами.

Инстинкт подсказал ей, что если она сейчас же не вернется в комнату и не запрет дверь, что-то ужасное и, возможно, непоправимое случится с ней этой же ночью. Мысль была иррациональной, словно Стефани опять стала девочкой, бегущей по лестнице к спальне, настолько убежденной, будто за ней кто-то гонится, что зачастую слышала шаги за спиной. Но она быстро заскочила в свою комнату и навалилась на дверь изнутри. И повернула ключ в ту же секунду, как дверь захлопнулась.

Наверху открылось окно, и она услышала, как Драч рывкнул: «Заткнись!», – обращаясь к собаке, и та заскулила, а потом умолкла.

Шаги достигли третьего этажа и остановились, будто человек задержался перевести дыхание, а затем гневный стук его ног направился по коридору, к ее комнате...

Стефани отошла от двери, готовая закричать.

Шаги остановились снаружи.

Кулак ударил в дверь напротив.

«Слава богу, ему нужна она, а не я».

Дверь напротив открылась.

– Нет, – прошептала Стефани. «Не впускай его!» – кричала она у себя в голове.

Тишина.

Застывшая, она стояла у себя в комнате. Она застыла в нескольких футах от запертой двери, закрыв руками рот; глаза ее слезились, потому что она не моргала; голова разболелась от давившего непонимания.

На самой грани слышимости энергично заскрипела раскачивающаяся кровать. Шум не заглушал сопутствующего ему ритмичного уханья.

Десять

После того, как Стефани заглянула в шкаф, под стол, за занавески и под кровать, она забралась под одеяло и лежала без сна с включенным светом. Она придвинула лампу ближе к краю прикроватной тумбочки, развернув металлический плафон вверх, чтобы добавить яркости к потолочному свету и чтобы, если понадобится, легче было дотянуться рукой.

Шум секса в комнате напротив был громким, но недолгим. Девушка за все время не издала ни звука. Стефани боялась, что стала свидетельницей изнасилования, потому что как женщина в такой горе может согласиться на секс с другим жильцом, да еще таким, чье перемещение по дому источало агрессию?

Это не мог быть Драч, потому что он был наверху; Стефани слышала, как он кричит на собаку. Она задумалась, не был ли шумевший мужчина обладателем ботинок с кожаной подошвой, который выходил из дома сегодня утром. Возможно, ей повезло, что она его не догнала. Первая удача, улыбнувшаяся ей в этом месте.

Она пыталась понять природу отношений между девушкой и мужчиной, от которого пахло животным, и отвращение мешалось в ней с боязнью сексуального насилия. Услышав хоть намек на сопротивление, Стефани вызвала бы полицию. Но соседка не издала ни звука, словно ее уже и не было в комнате напротив.

Мужчина все еще оставался внутри, возможно, лежал вместе с ней, словно они были любовниками. Может, они и были любовниками, бешено трепыхавшимися в паутине отношений любви-ненависти, подогреваемых агрессией, и девушка привыкла к его запаху. Стефани зажмурилась от ужаса, содержавшегося в этой мысли.

Она открыла глаза и попробовала осмыслить то, что почувствовала в коридоре: окутавшую ее холодную пустоту, пахнувшую необжитым деревянным зданием. Но так и не смогла понять, откуда взялся запах, только допустила неубедительную возможность, что почувствовала застоявшийся воздух, который поднимался... но откуда он поднимался?

То же самое недоумение сопровождало ее попытку понять источник животного запаха. От кого мог исходить настолько мощный поток грубой и дикой маскулинности? Сколько времени нужно избегать воды и мыла, чтобы взлелеять подобную вонь?

Стефани задумалась, не повлияла ли на ее восприятие стычка с Драчом. Может быть, их ссора заставила ее думать, что мужчины в этом доме для нее опасны. Она не знала. Не знала, в общем-то, ничего об этом месте и о тех, кто тут жил. Знала только, что была напряжена и испугана, и встревожена, и утомлена, а идти было больше некуда. Но еще она понимала, что какой бы ужасной ни казалась ее жизнь, кому-то неподалеку, скорее всего, было хуже. Воспоминания о горе соседки до сих пор заставляли ее нервы звенеть. Она представила, что, как и эта девушка, оказалась в чужой стране, в стране, языка которой она не знает и не может даже понять, что за дверью ей предлагают помощь.

«Как я тут оказалась?»

Она просто хотела найти жилье и работу. Возможно, ее соседка тоже хотела только этого.

Стефани сказала себе, что ей нужно просто пережить эту ночь, всего одну ночь, а если она услышит что-то рядом с кроватью, то подхватит сумку с самым необходимым, вызовет такси и поедет напрямик в центр города. Будет бродить по темноте, пока не откроется «Буллинг».

За окном тряслась, шелестела и вздыхала на ветру густая масса растительности, поглотившая неухоженный сад. Стефани представила, как грязное море лижет заднюю часть дома в попытке захватить старые кирпичи, пятнистый цемент и скрипящие балки, укрыть все это плющом и шипами, и безлистыми скелетообразными зарослями, видными из окна при свете дня. Непокорные джунгли вздымались над оградой со всех сторон сада, словно приливная волна над прибрежными стенами.

Веки постепенно отяжелели от усталости, от почти бессонной прошлой ночи. В конце концов, расслабившись, она очутилась за гранью сна.

Но лишь ненадолго, потому что постоянно вздрагивала и обнаруживала себя лежащей в той же позе в освещенной комнате, за окном которой все так же шумел сад. Один раз, вынырнув из полусна, она была уверена, что окно открылось, потому что треск и скрипение кустов и ветвей показались ей неприятно громкими, будто раздавались рядом с постелью.

Проснувшись в последний раз, Стефани поняла, что, пока она дремала, в комнате почему-то погас свет.

Одиннадцать

И в темноте она услышала голос. Женский голос. Голос из камина. Только теперь он был громче, чем прошлой ночью. И теперь Стефани лучше понимала интонацию, состоявшую из усталости и покорности: утомленный голос, казалось, перечислял обиды.

Ее ушей достигали обрывки.

— А потом ты сказал... я сказала... я бы не... неблагоприятно... Но кто я такая... Ты, ты сказал мне... Ты поклялся... это было... что-то значило... знак... боялась, тем больше я... и теперь я знаю...

Стефани лежала неподвижно и признавалась себе, что ее желание понять, о чем говорит женщина, превосходило даже невольный интерес к тому, почему она вообще слышит этот голос. Эта речь предназначалась не ей; она словно подслушивала телефонный звонок в вагоне поезда, или кого-то, кто говорил сам с собой, не осознавая, что она находится рядом.

— ...вовлечен... ты... ты сказал... не так просто... должна понять...

Монотонность, непрерывность монолога также предполагала одержимость неразрешенной ситуацией, которую разум проговаривал вслух, словно бесконечный разговор с собой мог привести к ответу. Стефани часто заставляла мачеху за подобным или стояла у порога в жутком неудобстве, пока Вэл взвинчивала себя воображаемыми разговорами с ней, с ее мертвым отцом, со знакомыми или незнакомыми, но известными ей людьми, вечно выставляя себя жертвой.

Только когда под кроватью зашуршал полиэтилен, Стефани перестала прислушиваться к голосу в камине. Как бы он ее ни тревожил, в его тоне была какая-то пассивность и незаинтересованность. Звуки под кроватью были неизмеримо хуже. Особенно этой ночью, потому что они свидетельствовали о том, что кто-то куда крупнее мыши пробудился всего в футах под ней.

Звук был похож на тот, что возникает, когда нечто, завернутое в пакет, медленно ворожится внутри своей оболочки. И прямо сейчас Стефани с радостью бы поверила тому, что это крыса. Но будучи единственной подлинной обитательницей комнаты, где было так холодно, – то ли от того, что страх пробрал ее до костей, то ли потому, что последние частицы тепла исчезли естественным путем в отсутствие отопления, – она почувствовала в себе нарастающий крик, а мысли ее разлетелись осколками.

Она взглянула на свое тело, но не смогла различить одеяло, под которым спала, и просто смотрела, не мигая, в бессветное пространство, начинавшееся от ее глаз и уходившее, казалось, в ледяную бесконечность.

На мгновение она заподозрила, что перевернулась, и ее макушка оказалась на уровне пола. Подозрение перешло в уверенность, потому что мозг Стефани не мог определить положение тела. И в урагане обрывочных мыслей, инстинктов и образов, из которого пытался собрать себя ее разум, ей привиделось, что пола нет вовсе, и она висит в космосе, вращаясь и уплывая от реальности.

«Я умерла. Это смерть».

Ей отчаянно хотелось двинуться, чтобы вернуть себе ощущение материального мира, в котором она должна была проснуться. Но Стефани боялась, что движением привлечет к себе внимание других существ из темноты: хищников с пустыми глазами и разинутыми пастьми, меняющих курс, чтобы следовать за колебаниями в глубинах мерзлого черного океана.

Ее крик вырвался в комнату только тогда, когда у другого конца кровати, в нескольких дюймах от ее ног, застонала и заскрипела половица.

Исчезнувшие элементы физического мира заново собрались в ее сознании, подгоняемые звуком вторжения, словно земное притяжение неожиданно вернулось в черноту пространства. Понимание того, что она лежит на спине, а не вращается в воздухе, должно было принести облегчение. Но о каком облегчении может идти речь, когда кто-то стоит у тебя в ногах? Склонившийся чужак, готовый забраться к ней в постель. По обе стороны от ее лодыжек продавилась простыня.

Стефани выбросила руку из-под одеяла и попыталась нащупать прикроватную лампу.

– Нет. Не надо, – вот и все, что она смогла выдавить тихим, почти бесстрастным голосом. Нашарила прорезиненный провод, выключатель.

Задержала дыхание.

Когда она увидит лицо, ее сердце остановится. Может, лучше пережить это в темноте... чем бы это ни было.

Стефани включила свет.

Двенадцать

Она глотала воздух, словно до опасного долго продержала голову под холодной водой. Подтянула к себе руки и ноги и забилась в угол кровати, утянув за собой одеяло. Без укрытия находиться здесь было невыносимо.

Она осматривала стены и обстановку, выглядывала за край кровати и видела только старомодную мебель в обветшалом, неухоженном помещении, и больше ничего. Под кроватью и в комнате никого не было.

«По крайней мере, никого видимого».

Она встала на кровати. Завернулась в одеяло и заковыляла по матрасу, чтобы нажать на выключатель на стене у двери и включить потолочную лампу.

Прижавшись спиной к стене, она всматривалась в пустоту под письменным столом, изучала проем между прикроватной тумбочкой и матрасом, искала бугры на занавесках – а вдруг кто-то попытался укрыться возле закрытых окон.

Занавески были ровными, и никто не прятался под столом и не лежал на полу возле кровати. Комната была так же пуста, как и до того, как Стефани уснула с включенным светом.

«Свет!»

Кто его выключил? Кто-то здесь был.

«Что-то».

Что-то, способное покончить со светом.

«С чем еще оно может покончить?»

Стефани посмотрела вниз, на простыню. Под кроватью больше не шуршали. Никто оттуда не выполз. Комната была изолирована. Комната была закрыта.

«А ты закрыта в ней».

Она соскочила на пол, стараясь приземлиться подальше от места, до которого рука, высушенная из-под кровати, могла бы дотянуться шарящими пальцами.

Стефани заглянула под кровать: половицы, многочисленные катышки пыли, фрагмент красного ковра, обычная стена в тени.

Она подошла к занавескам и отдернула их в сторону, чтобы увидеть замызганные стекла двух закрытых подъемных окон.

Сгорбившись и положив руки на столик, чтобы не упасть, она глубоко вдохнула, выдохнула, а затем снова вдохнула. Посмотрела на пустой черный камин. На давно не использовавшийся железный очаг, помещенный между двумя дорическими колоннами из твердой древесины, покрашенной в сливочный цвет. Невозможно, совершенно невозможно, но голос шел оттуда.

В коридоре распахнулась, ударившись о ка-кую-то мебель, дверь ее соседки.

Стефани дернулась и зажала рот руками. Ее лицо сморщилось, но она была слишком перепугана, чтобы плакать. Звуки и движения, и энергия, которая не могла, не должна была существовать, казалось, сливались вокруг нее, образуя критическую массу.

Тяжелые шаги пересекли коридор и замерли возле ее двери. Круглая дверная ручка быстро повернулась: один, два, три раза. Пластик ручки, болтаясь, стучал о дерево.

– Кто там? – спросила она у двери голосом, в котором едва узнала свой.

Ответа не было. Но тот, кто поворачивал ручку, тот, кто пытался войти в ее комнату, должно быть, все еще стоял там, снаружи, прислушиваясь. Она не слышала удаляющихся шагов.

День второй

Тринадцать

– Ну што, хорошо поработала? С каким вкусом сегодня булки раздавала? Не знаю, как ты такую работенку терпишь. Унизительно же, правда?

Увидев, что она вернулась, Драч победно заулыбался. Он вынырнул из комнаты в конце коридора на третьем этаже, быстро закрыв за собой дверь. Свет в коридоре погас.

Стефани вернулась только чтобы собрать все, что могла унести, и сделать самый трудный телефонный звонок в своей жизни – Райану, – прежде чем отправиться к железнодорожной станции на Нью-стрит и купить на последние деньги билет до Ковентри, покончив с катастрофой, которой обернулась ее новая жизнь в Бирмингеме.

Райан пока что не брал трубку и не отвечал на сообщения, но если бы он позволил ей вернуться в его комнату, и если бы она уехала сегодня в Ковентри, с залогом и предварительной оплатой можно было попрощаться, с чем она в этот день готова была неохотно смириться, словно с удалением зуба, которое навечно изуродовало бы ее улыбку. В таком случае Райану пришлось бы в выходные вернуться с ней сюда, чтобы забрать оставшиеся сумки, а еще – одолжить ей денег.

А иначе она вынуждена будет вечером уйти из дома и бродить по центру Бирмингема всю ночь, пока не откроется «Буллинг».

Она не провела и шести месяцев вдали от мачехи после того, как сбежала из дома, который был домом ее семьи с тех пор, как ей было одиннадцать, и который теперь принадлежал Вэл, но уже успела дойти до крайности: пустой кошелек, одолженная постель, жалость бывшего.

– Бляха. Включи его там обратно, ага?

Стефани быстро щелкнула выключателем, ее подстегнула мысль о том, что она оказалась в неосвещенном коридоре наедине с Драчом. Открыла дверь в свою комнату и шагнула внутрь.

– Подожди, подожди. Мне с тобой надо переговорить.

– Мне нечего вам сказать.

– Да и ладно. Только хочу тебе кое-што показать.

Стефани бросила сумку на кровать и развернулась, чтобы закрыть дверь, ровно в тот момент, как Драч появился в дверном проеме, помешав ей. За его спиной погас свет. Он раздраженно потряс головой и шлепком включил его снова. Стефани показалось странным, что его бесит собственная политика освещения. Возможно, это было нововведение его родителей.

Присутствие Драча заставило ее напрячься и занервничать, но он не пытался войти в комнату. Он шмыгнул своим длинным носом, кости которого стали толще из-за плохо заживших переломов.

– Я знаю, што вчерашний разговор у нас вышел неловким.

«Неловким?» Она уставилась на него, ошеломленная.

– Мы, типа, наговорили друг другу гадостей и все такое. Так вот, я сегодня подумал. И решил, што, наверное, вчера был слишком суровым. – Явно обрадованный тем, что привлек ее полное внимание, он немедленно возобновил свои утомительные словоизлияния. – Я подумал: Драч, у тебя што, сердца нет? Девочка одна, и все такое. Новый город. Мужика нет. Друзей нет...

– Что? Что вам нужно? – терпеть это перечисление ее жизненных неудач было невозможно; Стефани скорее залила бы уши горячим воском, чем выслушала еще хоть слово.

Лампы выключились. Ей хотелось, чтобы выключился Драч. Он опять ударил по выключателю.

Когда свет вернулся, домовладелец, казалось, был поражен, что очутился в такой беспросветной тьме. Потом прищурился – как хитрый змей, – подумалось ей, но полуулыбка не покинула его лица. Драч очень медленно произнес:

– Я к этому и веду. Дай договорю.

Она подняла руки:

– Что? Я могу забрать свой залог, да?

Он поднял палец, словно говорил с непослушным ребенком:

– Ай-ай-ай. Не надо за меня говорить.

– Тогда что вам нужно?

– Если пойдешь со мной, покажу.

– Зачем мне куда-то с вами идти?

– Боже, боже, у кого-то денек не задался, только не надо на мне срываться, ага, когда я тебе услугу оказать пытаюсь.

Стефани закрыла глаза. Она провела еще одну ночь в страхе и без сна, а потом очередные восемь часов простояла возле кофейни с подносом, полным кусочков кекса, и чувствовала, будто что-то внутри нее окончательно надломилось и теперь это не починить. Она открыла глаза, а когда заговорила, в ее голосе не осталось ни яда, ни силы:

– Услугу? Мой залог – это единственная услуга, которая мне нужна.

– Ты прям как пластинка заевшая. – Драч перешел на противный фальцет, передразнивая ее голос, в отместку, как она полагала. – Залог. Залог. Залог.

Потом он ухмыльнулся и показал ей пеньки зубов:

– Есть штуки, за которые стоит просить деньги вперед, ага? И залог брать. Не смотри дареному коню в зубы, сестренка. Иди за мной, посмотрим, што ты об этом думаешь. Никакого давления. Я тебе ничего продавать не собираюсь. Я тебе услугу оказываю. Не понравится – я тебе даже сумки на улицу вынести помогу, потому што это же у тебя единственный выход, ага? Иначе зачем ты здесь?

Ей захотелось стать мужчиной, захотелось врезать ему по лицу. Но она была девушкой, и даже грубость была ей недоступна, потому что Драч был опасен.

– Пойдем, пойдем. Сюда, милая. – Драч отступил в коридор, улыбаясь ей. С этого нового расстояния его глаза казались странными, как будто сидели слишком близко друг к другу и двигались на долю секунды позже, чем нужно, словно он провел значительную часть жизни, поджаривая себе мозг травкой или клеем.

Лампы погасли, снова погрузив его в темноту.

Четырнадцать

– Ну как тебе?

При виде комнаты Стефани почувствовала себя более проснувшейся, чем за весь предыдущий день. Эта спальня располагалась на втором этаже и, казалось, не была частью того же дома, в котором находились комната Стефани, кухня или ванная. Последняя была так ужасна, что Стефани не смогла заставить себя зайти туда этим утром; перед выходом из дома она просто сделала свежий макияж у себя в комнате и напялила вчерашнюю одежду.

И, словно предыдущее утро проигрывалось заново: направляясь к выходу, она услышала мужчину, шаркавшего по паркету первого этажа; должно быть, он там и жил, потому что она была уверена, что никого не слышала на лестнице, пока спускалась с третьего этажа на второй. Должно быть мужчина два дня подряд выходил из квартиры на первом этаже и покидал дом в

одно время со Стефани. Только этим утром паранойя нашептывала, что он не убегает от нее, а готовит засаду.

Стефани замерла на лестнице, услышав шаги, и не двигалась, пока не захлопнулась входная дверь. Если это выходивший из дома мужчина набросился на русскую девушку минувшей ночью, то Стефани не желала видеть даже его затылка. Потому что в таком случае это был тот же человек, что стоял и подслушивал около двери в ее комнату после того, как закончил с соседкой.

Пока Стефани пережидала на лестнице уход жильца, она заметила полоску желтого света под дверью ванной на втором этаже. Видимо, еще одна съемщица готовилась там к рабочему дню. Это не могла быть русская девушка, потому что за свое почти бессонное утреннее бдение Стефани ни разу не слышала, чтобы дверь напротив открылась.

Прошлой ночью, когда мужчина стоял возле ее комнаты, она просидела спиной к двери часа два, а потом, около часа ночи, ее сморил сон. И за все эти два часа напряженной, настороженной бессонницы она не услышала, как он уходит. Не услышала ни звука в коридоре рядом со своей дверью. И, слава богу, внутри комнаты тоже.

Когда небо просветлело с зарей, когда Стефани вскинулась, едва ли не контуженная нехваткой сна, когда наконец приоткрыла дверь, в коридоре не было ни души и ни следа запахов или ощущений, с которыми она столкнулась ночью. В комнате русской было тихо и темно.

Драч стоял, ухмыляясь, у изножья кровати в комнате на втором этаже, которую он так жаждал ей показать.

Стефани так и не вошла внутрь.

– Я не понимаю.

Большая гиенья улыбка Драча переросла в противный, булькающий мокротой смех.

– Она твоя, девочка. Если хошь. За ту же цену, все дела. По крайней мере, пока весь дом не доделаем. Подумал, што тут тебе будет удобнее, типа. Ну, знаешь, может поможет с твоей нынешней дилеммой.

– Что... – Она не знала, что сказать, как относиться к этому предложению или к комнате. Такие можно было увидеть в фильмах восьмидесятых. Две люстры с тремя лампочками в каждой роняли ледяной свет на черные стены и холодную белизну ковра и потолка, но комнату целиком не освещали. Зеркальные дверцы шкафа создавали ощущение, что комната больше, чем на самом деле.

– Я ж говорил тебе, што ремонтирую это местечко, комнату за комнатой. Для такой работы нужно время, милая. Я ее сегодня закончил. Што угодно могу сделать этими руками. «Дорчестер» знаешь, на Парк-лейн? Я там все отремонтировал. Такое мастерство и стоит недорого.

Он продолжал говорить, но Стефани едва слышала его голос, оглядывая комнату. До нее доносились обрывки фраз: «Парень сказал... сколько стоит... да хорош, говорю, за кого ты меня держишь?»

Кровать была огромной, железные спинки – декоративными, выкрашенными белой краской. Под окном стоял зеркальный столик с хромированными краями, одолженный, казалось, у парикмахера, считавшего, что у него утонченный вкус. Напротив кровати располагался громоздкий телевизор с корпусом из серого пластика. Такие, помнилось ей, были в моде многие годы назад.

– Потом я подумал о старом домишке мамы и папы... Куча работы, но мы с кузеном... как они всегда делали, пустим жильцов, типа...

Стефани чувствовала, как ароматы средства для чистки ковров и освежителя воздуха мешаются с запахом старой комнаты. Потому что это она и была: непроветренная пыльная комната с устаревшим декором, долгое время, похоже, простоявшая запертой, не используясь и не меняясь. Драч, может, и пытался тут прибраться, но краска была старой, потолок местами

пожелтел. Не было ни запаха, ни признаков недавнего ремонта или переоборудования. Драч лгал. Но комната все равно была многократно лучше той, которая ей досталась; той, в которой она не могла провести больше ни ночи.

– Не обязательно решать прямо сразу, но телефон у меня трезвонит весь день. Много кто здешними комнатами интересуется. Эту захапает первый, кто увидит. Но я подумал, што раз ты уже здесь и оплатила первый месяц...

Если она сможет перетерпеть еще одну ночь по этому адресу, в этой комнате, и сходить на работу в пятницу, тогда завтра вечером она сможет съехать, получив зарплату за три дня. И ей не придется сегодня звонить Райану.

Она может жить в страхе здесь, тревожиться за свою безопасность в окружении как минимум двух мужчин – или попытаться сегодня вечером уехать в Ковентри, где никогда не находилось работы даже на один день, не чувствуя ног от усталости, без денег, и очутиться под иным психологическим давлением – бывшего парня. Вот такие варианты.

«Еще одна ночь?»

По крайней мере, это была другая комната. Не та комната. Они не могут быть одинаковыми.

«Правда же?»

Драч был манипулятором, но хотел он – в этом Стефани не сомневалась – исключительно денег. С другим мужчиной ясности не было, но он даже на глаза ей не попадался, а отношения имел с русской девушкой с третьего этажа. А эта комната находилась на другом этаже.

– Хорошо. Спасибо. – Сказав это, она немедленно забеспокоилась, что ее отчаянное согласие может оказаться еще одной ошибкой, за которую придется дорого заплатить в самом ближайшем будущем.

– Так и знал, што ты одумаешься. Такой молоденькой девчоночке не стоит все время переезжать и ночевать на полу, как...

– Кто здесь жил раньше?

– Да какая разница? Ее тут больше нет. Место свободно.

– Другая комната. Которую я сняла. Там...

Он быстро повернул к ней костистое лицо, задрал подбородок:

– Что там?

Стефани не знала, что сказать. «Я не хочу жить в той комнате, потому что там привидения» – не вариант. Тем утром, как только между ней и домом появилось какое-то расстояние, слово «привидения» покрылось слоем абсурда, оно не хотело даже срываться с ее губ, иначе она бы почувствовала себя душой.

Стефани изучающе посмотрела на Драча, и ей показалось, что после ее вопроса в выражении его лица появилась толика опаски. А может быть, это была его готовность защищать дом. Но, уставшая и запутавшаяся, она не была уверена, что может доверять своему восприятию. Возможно, ей не мог помочь никто, кроме священника или психиатра, но потребность обсудить комнату хоть с кем-нибудь, вырваться из параноидальной темницы, в которую превратился ее рассудок, стала непреодолимой.

– Она... комната. С ней что-то не так.

– Э? Ты чего несешь? Местечко старое. Подновить надо, может, но ничего серьезного, типа. Весь дом крепкий, как...

– Нет, я не об этом. Я что-то слышала. В своей комнате. Ночью.

Драч усмехнулся.

– Перепугалась, да? – Он собирался над ней посмеяться.

Она оборвала его:

– Я не просто перепугалась. Было гораздо хуже.

Драч сузил глаза, как будто скрывал их, чтобы она ничего не могла в них прочесть. Он шмыгнул:

– Не уверен, што мне нравятся твои намеки.

– Почему?

– Я такого говна не терплю.

– Но я слышала голос у себя в комнате. Две ночи подряд.

Он засмеялся:

– Ты слышала телек. Может даже и мой. Я его, кажись, включал.

– Это не было похоже на телевизор. И звуки... под кроватью. Я думала, это мыши, но я не уверена.

– Да что за херня, девочка. Прыгаешь, заслышав мышей. Не то чтобы я говорил, што они тут есть. Я их всех вывел. Дом постоял пустым, вот и все.

Они забираются в пустые дома, видишь ли. Из-за холода. Может, одна и осталась.

– Но это не объясняет...

– Ты мне голову морочишь, вот што. Чего тебе надо, оплату понизить? Теперь я слышал все.

– Кто-то был у меня в комнате.

Драч перестал смеяться и шмыгнул носом. Он выглядел настороженным.

– Я кого-то слышала. Дважды. В обе ночи. Но когда я включала свет, никого не было.

Кто жил в той...

– Я говорил уже, што был бы благодарен, ага, очень благодарен, если бы ты не наговаривала на дом моих мамы с батей, ага? У меня нет времени на такую фигню. Так што это не ко мне.

– Извините. – Она сказала это на автомате, хотя виноватой себя вовсе не чувствовала.

– Как бы тебе понравилось, если б я пришел к твоей мамке в дом и начал такое нести, а? Так што я попросил бы об этом больше не говорить. Это место станет просто закатаешься, уж поверь мне, когда я его подлатаю, так што и слышать ничего не хочу, ага, о своем доме. Репутация и все такое. – Он громко шмыгнул и расслабил плечи. Драчу было важно добиться своего.

Ей показалось странным, что он не называл имени съемщицы, но Стефани заставила себя сосредоточиться только на том, чтобы перетерпеть сегодняшнюю ночь. Даже если спать придется всего несколько часов. «Завтра получишь зарплату. Соберешь вещи и свалишь. Ты сможешь». Если она сейчас разозлит Драча, он оставит ее в прежней комнате или выставит на улицу, и она проведет следующие несколько часов, донимая Райана и пытаясь сесть на поезд в другой город, чтобы поселиться там, куда ей не хотелось. И не было никакой гарантии, что она вообще сможет переночевать у Райана. Он до сих пор ей не ответил.

Теперь она ощутила по отношению к домовладельцу намеренное чувство, которое заставило Стефани содрогнуться от презрения к себе: благодарность.

– В общем, у тебя новое жилье. Лучшая комната в доме. Даже думал себе ее взять. Но мне нравится уединение на чердаке.

– Но разве вы не можете хотя бы сказать мне, кто тут жил?

Его нахмуренный лоб подсказал ей, что вопрос был нежелательным.

– Откуда я знаю? Дом был пустым, когда мне достался, типа. Мама с батей сюда всяких пускали. Жиличек. Штуденток. Девушек. Ну, понимаешь. Они им сдавали приличное жилье, типа. Я только продолжаю семейную традицию.

– А комнаты все разные?

– Да. Немного, типа.

– И вы никогда не приезжали сюда навестить родителей?

– Мы што, в третьем классе? Тебе какая разница? Особенно когда ты селишься посреди ремонта, в новостройку почти. Образцовый будет дом, когда я закончу.

– Девушка в комнате напротив моей была чем-то очень расстроена прошлой ночью. Русская девушка. Я думаю, что русская. Сколько здесь живет людей? На первом этаже есть мужчина, не так ли? Я слышала, как он заходил в комнату к русской девушке, я...

– Любопытная ты, да? – И снова он напрягся, но не смотрел ей в глаза.

– Она может нуждаться в помощи.

– Мой тебе совет: не суйся в дела, которые тебя не касаются, ага?

– Я просто о ней беспокоюсь.

– Я што, социальный работник? Дела жильцов касаются только их. Пока они платят и не шумят, я им не сторож. – Потом он расплылся в улыбке, чтобы сменить тему. – О, забыл тебе сказать. У тебя скоро компания будет. Другие девочки, типа. Скоро заселится еще парочка. Прибудут вместе с моим кузенком.

– Здорово, – неуверенно сказала она и немедленно пожалела будущих соседок. Формулировка тоже была странная – «прибудут». Откуда? Пока Драч говорил, она также заподозрила, что у него не получалось сдавать комнаты на долгий срок из-за звуков. Если с ней здесь случались странные вещи, то уж конечно и с другими тоже. «Но что это за странные вещи?» И разве он не говорил, что забыл о рекламе «Сдается комната» в витрине магазина? Что он просто ее пожалел? Его история поменялась дважды в течение трех дней, потому что теперь приезжали «другие девочки». Он соврал. Опять.

– Подожди тут, ага. Я твои сумки спущу. Видишь, сестренка, не такой я плохой.

– Все хорошо, я сама справлюсь.

Прежде чем она закончила говорить, новые кроссовки Драча уже утопали прочь, в темноту второго этажа.

Пятнадцать

Стефани поспешно приняла душ, каждые несколько секунд убирая голову из-под потока воды, чтобы выглянуть за край ванны. На всякий случай.

Но никто не бормотал у нее под ногами.

Казалось, лучше, безопаснее, принять душ и вымыть голову перед тем, как лечь спать, а не с утра перед работой. Она не представляла, как будет чувствовать себя к тому времени, как взойдет солнце, и хватит ли у нее духу вымыться. Она отказывалась жить еще один день без душа, и тепло воды принесло небольшое утешение, которого она жаждала.

Стефани опасалась глядеть на уходящую вверх лестницу, пока шла по коридору второго этажа к ванной, но постоянно напоминала себе, что теперь у нее другая комната в другой части дома, отчаянно выжимая столько успокоения из этого жалкого нового факта, сколько могла.

У нее кружилась голова, и она до сих пор не поела. В комнате ее ждали чипсы, шоколадка «Дабл Декер» и пластиковая коробка с сэндвичами из супермаркета, купленная за полцены, потому что срок хранения истек сегодня. Она купила их, прежде чем поехать домой на автобусе, не в силах вытерпеть грязную кухню и готовку в микроволновке.

«Домой? Не думай так об этом месте. Это не твой дом».

Когда одна из ее коллег в торговом центре сказала: «Слава богу, уже почти пятница», – а потом перечислила планы на выходные, состоявшие почти полностью из слов «дом, парень, друзья, дом, парень, друзья», каждое слово вызывало у Стефани уколы зависти столь же сильной, как и тоска у нее в груди. Ей пришлось зарыться в рюкзак в поисках бутылки с водой, которая была ей не нужна, чтобы две другие девушки не заметили слез, навернувшихся на глаза.

Дом. У нее не было даже подобия дома, и это, в свою очередь, напомнило ей о мачехе в тот последний день: бледное и морщинистое лицо, поджатые губы, трясущаяся челюсть и мелькающие ресницы, красная, а потом бледная от потери самообладания, глаза, темные от ярости, за которой следуют крики, и тряска, и пощечины. С тех пор, как умер отец, такое Стефани видела слишком часто; безумие, способное продолжаться всю ночь.

Она вспомнила Рождество. Вэл кричала на нее через дверь три часа без передышки, пока не сел голос. Стефани забаррикадировала дверь кроватью, чтобы не впускать маньячку. Но мачеха сбежала вниз по лестнице и порезала сушившуюся одежду падчерицы ножом для овощей, а потом сломала пополам ее диски. Затем Вэл перебила все тарелки и стаканы в кухне, пока ее злоба не перешла во всхлипывания.

Стефани невольно вернулась к самому яркому воспоминанию подростковых лет: как отец взял мачеху за плечи и потребовал рассказать, что она сделала с морской свинкой Стефани. На следующий день он увез тринадцатилетнюю дочку в Долиш, где им постоянно хотелось плакать, что они порой и делали, прижавшись друг к другу головами.

«Дом».

В ее планы на выходные входило закинуть денег на телефон и придумать, как сократить расходы на еду и автобусы, чтобы наскрести на оплату комнаты в следующем месяце.

У парочки девушек, с которыми она работала, уже была работа на следующую неделю: они будут моделями, то есть будут стоять в красных атласных шортах рядом со спортивным автомобилем в другом торговом центре и впаривать лотерейные билеты. Но со Стефани агентство до сих пор не связалось, а ведь все они пользовались одной фирмой.

Дрожа, она выключила душ, выбралась из ванны и сдернула полотенце с батареи. Батарея была горячее, а полотенце теплым. Стефани обернула его вокруг плеч и чуть не расплакалась от удовольствия.

В ванной снова было холодно. Она посмотрела на окно и не удивилась бы, увидев, что оно покрылось льдом.

– Как меня зовут?

– О боже, нет. Нет, нет, нет, – прошептала она в пар, висевший над ее лицом, как туман.

– Как меня зовут? – Он вернулся – голос, исходивший от ванны, в которой она только что стояла. И ощущения, что она только что кого-то разбудила, было не стряхнуть.

Стефани распахнула дверь ванной и выскочила наружу. Пар, оставшийся после душа, выплыл следом в неосвещенный коридор. Темнота в доме казалась безбрежной.

Сквозь рассеявшийся пар постепенно проступила ванная: заляпанное зеркало, грязная раковина, немытые стекла, красный коврик в точках мусора, ванна. И из этого убогого пространства вновь донесся голос:

– ...до того, как здесь... тогда. Некуда... туда, где другая... холод... меня зовут? Я не могу...

Мысли Стефани копошились в бреду паники, хаосе, полном детской мольбы, чтобы все стало как раньше, а не вот так.

«Запись?»

Вчера утром она слышала то же самое. Только теперь голос был громче. Так что это и правда могла быть запись. Фокус. Розыгрыш. Что-то – какое-то устройство – стояло под ванной и проигрывало одну и ту же запись. Может, кто-то просто пытался запугать новенькую.

– Как меня зовут?

Стефани прошагала в ванную и с силой топнула.

– Прекратите! Прекратите немедленно! – Она топнула еще раз, не заботясь о том, кто ее услышит. – Хватит!

– Я... не... можешь найти... где... где... это... я?

Говорившая, девушка, возможно, подросток, начала плакать. И Стефани тоже, потому что ужасное чувство страха и горя окутало ее и просочилось внутрь, наполнив ее страданием. Но не ее собственным страданием.

Мрачные ощущения, заполнявшие физическое пространство ванной, ей не принадлежали. Та часть мозга Стефани, которая еще работала, была в этом убеждена: ощутимое страдание в этой комнате было заразным, неестественным и быстродействующим.

Стефани опустилась на четвереньки и поползла по жесткому, сухому ковру к стенке ванны.

– Кто ты? Ты меня слышишь? Пожалуйста, ответь мне!

Шестнадцать

Стефани лежала в постели без сна. Свет скорее сочился, чем лился из люстр на потолке. Лампочки были покрыты густой пылью, но вдобавок к ним на полу у кровати стояла лампа для чтения. Телевизор с выключенным звуком обеспечивал дополнительный свет. «Фривью»³ не было, поэтому каналов было всего пять; пятый показывал в основном тени и «снег».

Небрежная уборка, проведенная Драчом, не распространялась на то, что находилось выше головы, и не включала в себя сметание пыли. Он прошелся по ковру пылесосом, начисто вытер зеркальный столик, но было видно: больше он не сделал ничего, что бы улучшило состояние давно пустовавшей комнаты.

Стефани пыталась понять, каким надо быть человеком, чтобы выкрасить стены такой темной краской и постелить белый ковер. В стиле чувствовалась какая-то незрелость, и еще какая-то маскулинность, словно создавал его ловелас, чтобы привлекать женщин, но очень давно. Она не могла представить себе, что взрослая пара из рабочего класса, с сыном вроде Драча, была ответственна за этот декор. Возможно, комнату ремонтировал жилец.

Стефани осматривала с кровати помещение, которое только что обыскала, словно эксперт-криминалист. Она не нашла ни следа предыдущего съемщика, за исключением пакетика с крохотными кристаллами, из тех, что прилагаются к новой одежде, и трех разных пластиковых вешалок. Все это обнаружилось в большом зеркальном шкафу. Под кроватью не было ничего, кроме огромных комьев пыли, таких же, как в ее комнате на третьем этаже.

Куча ее сумок покоилась у стены под забраным решеткой окном.

«А решетки на окнах – это вообще законно?»

Не было еще и десяти вечера, но сон уже подкрадывался, обещая полное беспамятство. Однако ее вялые мысли возвращались к голосу девушки в ванной. Кем бы она ни была, она не ответила Стефани и, похоже, даже не услышала ее, вопреки неуютному предположению, что говорившая знает о ее присутствии.

Стефани едва не спустилась вниз и не постучала в единственную дверь на первом этаже, которая должна была вести в квартиру под ванной комнатой, однако не смогла набраться смелости, потому что внизу жил вонючий мужчина.

Спустя какое-то время голос под ванной стал утихать и удаляться, пока не умолк. Только чтобы послышаться снова, вдалеке, глубоко под полом. Это, в конце концов решила Стефани, точно была запись.

И голос в камине ее первой комнаты – тоже. Она изо всех сил пыталась убедить себя, что причиной звуков был хитроумный розыгрыш, за которым стояли зловерные мотивы, а не присутствие сверхъестественного. И иногда у нее это получалось. Но в основном Стефани не знала, чему верить.

³ Фривью – бесплатные цифровые каналы, предлагаемые некоторыми британскими провайдерами.

Ее попытки объяснений не учитывали, какую печаль и горечь вызывал в ней голос. Одно пребывание рядом с ним разбивало ей сердце. И еще ее теория не принимала во внимание падение температуры в ванной по сравнению с продуваемым сквозняками, но теплым коридором снаружи. Как только голос стих, и Стефани покинула ванную, второй этаж показался ей парником.

Боковая панель сделанного из белой ДСП экрана, окружавшего ванну, осталась у нее в руках после нескольких рывков. Сырость превратила дерево по углам панели во что-то похожее на размокшее печенье. Под ванной обнаружились деревянные половицы, серые комья пыли, опилки, винтик, пустая банка из-под краски, скомканная этикетка и запах плесени с нотками подгнившего мусора. Это был тот же запах, что она уловила, впервые усевшись на пыльный унитаз днем раньше.

Никакой электроники в видимом пространстве под ванной из стеклопластика не было: ни крохотных динамиков, ни дырок или люков в полу, никаких проводов и прочих электрических причиндалов. Когда Стефани сняла панель, голос не стал ни громче, ни разборчивей, но звучал, как будто поднимался из глубин дома, с нижнего этажа.

Если он раздастся снова, она пойдет за Драчом и заставит его стоять в ванной и слушать. Она заставит его рассказать ей, откуда идет голос.

Стефани поставила будильник. Прижалась к стене и начала ждать сна. Она устала чуть ли не до галлюцинаций, но сказала себе, что комната была незнакомой, что сама она на грани и точно проснется, когда послышится первый же странный звук. Еще раз ее врасплох не застанут.

Под подушкой у нее лежал тупой нож для чистки овощей, позаимствованный из кухни.

Семнадцать

Разбудил Стефани звук открывшейся соседней двери. За ним последовали шаги из комнаты в коридор.

Стефани скатилась с кровати и подбежала к своей двери.

Она была уверена, что комната рядом с ней пуста. Когда она шла мимо, в ванную и обратно, света под дверью не было. Насколько она знала, с тех пор никто в комнату не заходил, и через общую стену не доносилось ни звука. Собственно, после того, как она сходила в душ, тихо было на всем втором этаже.

Приоткрыв свою дверь на несколько дюймов, она выглянула в неосвещенный коридор. Видно было только далекое лестничное окно – не более чем смутный прямоугольник уличного света. Но она продолжала слышать легкие шаги в другом конце коридора.

Осознав, что свет в ее комнате выдает ее положение тому, кто был в коридоре, она открыла дверь шире, чтобы показать себя и не выглядеть подсматривающей. В потоке света Стефани увидела пустой коридор и безжизненную лестничную площадку в его конце. Вся ее кожа, казалось, съежилась, а каждый волосок напомнил о себе уколом статического электричества.

«Как такое может быть?»

Хлопнула дверь в ванную.

Стефани подскочила.

Должно быть, ее закрыла соседка, которая, видимо, только что вышла из коридора, чтобы зайти в ванную с площадки. И ее было не видно из дверного проема комнаты Стефани.

«Возможно».

Возможно также, что соседка спала в то время, когда Драч показывал Стефани комнату. Или пришла домой, пока Стефани мылась или дремала. Мысль о том, что она и должна была проснуться сейчас, и была пробуждена, следовало подавить.

Она вернулась к себе и подняла телефон с пола возле кровати. Было без двадцати одиннадцать. Получалось, что она не проспала и получаса, и Стефани немедленно почувствовала себя обманутой временем; она горячо желала, чтобы до рассвета оставалось лишь несколько минут.

Она вернулась к двери и прикрыла ее, но захлопывать не стала, чтобы услышать, когда соседка выйдет из ванной. Стефани была уверена, что это девушка, поскольку шаги были легкими.

Она села на край постели, дожидаясь, когда снова откроется дверь в ванную; просидела достаточно, чтобы ей стало неуютно от того, что ее собственная дверь открыта так долго. Ожидая, Стефани гадала, что девушка может там делать все это время. «Принимает душ? Ванну? Может, у нее запор?» Еще двадцать минут спустя ее одолело нетерпение, и тогда она прошагала по коридору к ванной. Она сегодня не заснет, пока не узнает, кто живет в соседней комнате.

Подойдя к ванной, Стефани откашлялась.

– Простите? Мисс? Я хочу спросить, долго ли вы еще? Мне нужна ванная.

Ответа не было.

Стефани постучалась.

Никакой реакции.

Стефани повернула пластиковую ручку двери. Она была не заперта, и открыла взглядом темную комнату. За спиной погас свет.

Она в панике обернулась. Метнулась через площадку в почти полной темноте и заколотила руками по стене, но не смогла найти выключатель, который был где-то рядом с открытой кухонной дверью. Вернулась обратно к контуру двери в ванную, дернула за шнур выключателя и осветила пустое, тихое помещение.

«Где ты?»

Это было невозможно. Она слышала шаги соседки и закрывшуюся дверь.

Другие спальни были дальше по коридору. Могла ли девушка прокрасться обратно к своей комнате и войти в нее так, чтобы Стефани не услышала?

«Невозможно».

Стефани поспешно вернулась к себе. Закрыла дверь и заперла ее. Забралась обратно в постель и уставилась в телевизор, не замечая происходящего на экране.

Несколько минут спустя в коридоре со стороны ванной послышались легкие шаги. Стефани не шевелилась. Она затаила дыхание, чтобы не издать ни звука.

Дверь соседней комнаты открылась и закрылась.

Восемнадцать

Пространство было узким и тускло освещенным, по стенам шли старые серые трубы. Местами они были обернуты мохнатым утеплителем и обмотаны изолентой, такой старой, что она высохла и начала отваливаться.

Стены, между которыми протискивалась Стефани, были из гипсокартона. На них были написаны мелом какие-то слова. Стефани прочитала: «Миша – шалава», и поспешила по туннелю вслед за мачехой. Вэл обернулась и сказала:

– Не отставай. Я и так из-за тебя опаздываю!

Стефани обнаружила, что снова стала девочкой, и на ней одежда, знакомая по выцветшим фотографиям в семейных альбомах: фотографиям, сделанным в основном в то несчастливое время, когда нежеланная мачеха впервые появилась в ее юной жизни. В то время Вэл была вся улыбки и выкрашенные красным волосы в тон оправе очков, так же она выглядела и сейчас. И, несмотря на свой рост, Вэл без проблем продвигалась по узкому проходу.

Стефани беспокоилась, что мачеха уходит слишком далеко. Ее собственное стеганое пальтишко постоянно за что-то цеплялось – за доски, за кронштейны для труб.

Вэл исчезла за углом в конце узкого прохода.

Стефани повернулась боком, чтобы дойти до конца. За поворотом был спуск вниз, в темноту. Пространство между стенами здесь было таким же узким, как раньше, но в темноте Стефани больше не видела и не слышала мачеху.

У нее не было времени задуматься над исчезновением Вэл, потому что ноги ее поскользнулись на спуске, а руки ударились о стены, которые теперь были сделаны из оцинкованного металла и не давали никакой опоры. Ее сфинктер защекало, а ноги все быстрее и быстрее скользили по металлическому полу. Она подумала, не стоит ли ей сесть, пока она не упала.

Стефани въехала в комнату с темными, коричневыми с оранжевым обоями, большим велюровым диваном в цветочек и двумя такими же креслами. Светильники были сделаны в форме перламутровых стеклянных чаш. На круглом кофейном столике лежала стопка журналов. Верхний назывался «Фиеста»; женщина на обложке, ярко накрашенная и с пышными волосами, сосала палец. Стефани отвернулась.

Ее мачеха стояла у окна и разговаривала сама с собой, закрыв лицо руками.

– Где папа? – спросила Стефани.

За спиной у нее открылась дверь. В комнату вошел пожилой мужчина. Он был одет в черный костюм-тройку, у него было вытянутое бледное лицо и почти черные глаза. Он принес большой деревянный ящик и положил его поверх журналов. Передняя часть ящика была закрыта фиолетовым бархатным занавесом, как будто это была миниатюрная сцена.

Ящик Стефани не понравился. От него пахло музеем, куда она как-то раз ходила с папой; в музее была длинная комната с кусочками людей в тряпках; останки были втиснуты в деревянные коробки, похожие на каное.

Вдалеке прозвенел дверной звонок; такой был в доме ее семьи, когда Стефани была ребенком. До этого момента она ни разу о нем не вспоминала.

– Они здесь, – сказал мужчина в черном костюме и вышел.

Когда Стефани обернулась, ее мачехи уже не было в комнате, которая теперь была полностью черной и освещалась рядом свечек, выставленных на серванте из темного дерева. Окно закрывала черная штора. Изменилась даже мебель. Появились длинный обеденный стол с резными ножками и четыре стула.

Стефани не могла разглядеть в темноте собственных ног; она побежала через комнату к двери, которую мужчина оставил открытой. Пока она бежала, свечи на серванте гасли одна за другой, пока ей не почудилось, что она убегает от пустоты, нараставшей у нее за спиной, как холодная волна.

Она ворвалась в другую комнату: розовую спальню с постельным бельем в цветочках, розовыми занавесками и большими розами на обоях. На единственном окне колыхался тюль. Ковер под ногами был густым, со свежим запахом чистящего средства.

По ту сторону кровати она слышала шуршание пленки, словно кто-то, стоя на четвереньках, копошился в коробке, полной полиэтилена.

Она сказала:

– Я хочу уйти. Вы позовете моего папу?

Какая-то женщина поднялась с пола возле кровати и сказала:

– Который час?

Ее укрывал едва прозрачный кусок полиэтилена. Там, где ее голые груди и бедра прижимались к пленке, кожа женщины была коричневатой, испещренной пигментными пятнами. Волос на голове у нее не было.

Стефани села на кровати и резко втянула воздух, потом начала задыхаться и поняла, что затаила во сне дыхание.

Женщина в пленке превратилась в силуэт на фоне плотных черных штор, как послеобраз, исчезающий с ее сетчатки. Четкость и резкость зеркального шкафа, мебели и светильников причиняли боль ее распахнутым глазам.

В комнате никого не было, а свет все еще горел.

С неизмеримым облегчением она поняла, что видела сон и проснулась в той же комнате, где и отключилась, но кошмар потряс ее настолько, что она чувствовала себя ребенком, пока видела его.

Стефани взглянула на будильник. Полночь.

«Нет, слишком рано». Она не могла проспать всего час.

В комнате по соседству кто-то разговаривал; голос молодой женщины, слишком невнятный, чтобы можно было разобрать слова. От воспоминаний о шагах часом раньше у Стефани задрожала нижняя губа.

Мысль о сне была невыносима, потому что большая часть ее проснувшегося сознания пыталась задавить то, что ей запомнилось из кошмара.

Стефани выбралась из кровати, завернулась в ванный халат и встала у двери. Тихо отперла ее. Чувствуя себя так же неудобно, как если бы смотрела в ночь из ярко освещенной комнаты, она открыла дверь пошире и увеличила количество света, льющегося в коридор. Там было пусто. В комнате по соседству, откуда слышался голос девушки, свет не горел.

Стефани провела скрюченными пальцами по лицу и прикрыла ими рот.

«Только не снова. Только не снова. Только не снова».

Вглядываясь в полумрак коридора, она едва могла различить площадку в конце. За ней была лестница, но из-за темноты в той части дома было ничего не разобрать. И, всматриваясь туда, Стефани ощутила отчетливую перемену в температуре воздуха, заметный переход от прохлады к холоду.

На заднем дворе залаяла собака Драча.

Вскоре холодный воздух стал колоть ей лицо, босые ноги онемели. Охваченная предчувствием, что сейчас увидит движение на темной лестнице, Стефани захлопнула свою дверь. Ощущение полнейшей тишины в коридоре и боль одиночества, казалось, проникавшая оттуда в ее коченеющее тело, все не унимались.

«Это не может продолжаться».

Чувствуя проблески злости на ситуацию, на свою продолжающуюся неспособность с ней справиться, Стефани распахнула дверь, и подошла к комнате соседки. Постучалась.

– Эй, мисс. Мисс?

Ей не ответили.

Стефани отошла от двери и нервно взглянула в сторону неосвещенной лестницы, не желая признаваться себе, почему продолжает туда смотреть, а воображение не оставляло попыток протолкнуть идею, будто на ступеньках стоит фигура, наблюдающая за ней из-под покрыва тьмы.

Голос девушки в соседней комнате стал хриплым от слез, пока она не начала жалобно всхлипывать, как будто только что услышала кошмарные вести. Стефани даже понадеялась, что ее стук в дверь стал причиной этого приступа горя, поскольку это значило бы, что в комнате есть настоящий живой человек.

– Если не хотите разговаривать, я пойму. Я просто хочу помочь. Вот и все.

Девушка шмыгнула, потом заскулила. Она так ничего и не сказала, но ее реакция казалась ответом. Минимальным ответом, продолжения у которого не будет.

Стефани вернулась к себе, закрыла дверь и села на кровать. Уставилась на свое отражение в зеркальных дверях шкафа напротив. Выглядела она ужасно, и скоро от недосыпа у нее должны были появиться круги под глазами. А еще лицо ее казалось неспособным на улыбку;

она выглядела постаревшей, вымотанной, исхудавшей. Стефани закрыла лицо руками и прислушалась к рыданиям соседки в комнате, которая, похоже, была пустой.

Стефани снова легла в постель и придвинулась ближе к стене, чтобы слышать девушку. Неважно, что в происходящем здесь не было логики; она слишком устала. Для нее это уже не имело значения. В точности как и для девушки в соседней комнате.

Стефани прижала ладонь к стене. Она вытерла глаза и проговорила:

– Папа. Останови это. Помоги мне. Папа, пожалуйста.

Девушка продолжала плакать.

В конце концов Стефани отвернулась и закрыла глаза.

День третий

Девятнадцать

Когда идти от автобусной остановки до восьмьдесят второго дома по Эджхилл-роуд осталось несколько минут, Стефани почувствовала нарастающую тревогу, от которой ее замутило. Начиная с первой ночи в этом доме, каждый раз, возвращаясь на безликую улицу, она все больше чувствовала себя уязвимой. В основном неосвещенные дома с их пристально глядящими окнами казались ей этим вечером особенно недовольными ее присутствием.

Телефон издал трель. Отчаянно желая поговорить с Райаном, Стефани выхватила мобильник из кармана. Днем ей пришло сообщение:

«НА РАБОТЕ. ПОЗВОНЮ ПОЗЖЕ».

В конце сообщения не было привычного «Обнимаю», и она была уверена, что это самое холодное и сухое послание, которое он прислал ей за все два года их знакомства. Разочарование краткостью сообщения заставило ее протосковать большую часть последнего рабочего дня в «Буллринге», где она раздавала покупателям мелкие кусочки больших печений восемь часов кряду. Вскоре хандра сменилась очередным потрясением, когда она обнаружила, что у нее из кошелька пропала дебетовая карта.

Она вывернула сумочку на пол комнаты для персонала и перебрала пальцами ее содержимое, пребывая на грани слез все время лихорадочного поиска, но банковской карточки так и не обнаружила. У нее не было денег на счету или согласованного превышения кредитного лимита, так что Стефани не могла вспомнить, когда последний раз замечала ее в кошельке. Успокоившись, она поняла, что последний раз пользовалась ею четыре дня назад, когда сняла последние тридцать фунтов, чтобы оплачивать еду и автобусные поездки до тех пор, пока ей не заплатят в конце недели.

Она позвонила в банк и заблокировала карту; другую сделают, но через шесть рабочих дней. Возможно, Райану теперь придется обеспечить ее не только временным жильем, если он согласится. Но кто взял карточку? Ей хотелось обвинять всех подряд: парочку тупых девиц, с которыми она работала, безразличного менеджера, покупателей, того парня, что три раза возвращался за образцами, пока она не сказала ему, что каждому клиенту положен только один, а он ответил приглашением на свидание.

Затем она подумала о доме, о его хозяине, о других жильцах, с которыми ей не удалось познакомиться; кто-то мог зайти к ней в комнату, пока она была в душе. В общежитиях всегда пропадали вещи.

Беды не заканчивались, не желали заканчиваться; она катилась по ужасному склону невежества все ниже, все быстрее и быстрее.

Номер звонившего на экране телефона был незнакомым. Не Райан, а последний из пяти домовладельцев, которым она звонила в обеденный перерыв, чтобы договориться об осмотре комнат. Ей перезванивали из-за оставленного сообщения.

Стефани остановилась, чтобы ответить на звонок, и закончила разговор с дрожью в голосе. Все предлагаемые комнаты по адресам были доступны, но за каждую требовали месячную оплату и залог, без вариантов. Три дня в «Буллринге» принесли ей на счет сто двадцать фунтов, но это не покрыло бы и половину суммы, необходимой для переезда. Нежеланное слово «хостел» весь день всплывало у нее в голове. Придется выяснить, где здесь ближайшие хостелы. Она сможет лично получить наличку в банке, чтобы иметь достаточно денег, если придется спешно эвакуироваться с Эджхилл-роуд.

Ее голос словно вызвал реакцию у не отличавшейся оживленностью улицы, и рядом при- тормозил черный BMW. Открылось окно. Изнутри ей улыбнулся молодой мужчина. Пассажир на соседнем сиденье наклонился, потеснив водителя. Сзади сидел еще кто-то, но лица было не видно.

– Залазь, дорогуша, – сказал водитель. – Залазь.

Стефани никак не отреагировала, только уставилась на казавшуюся ей нахальной усмешку на его лице.

– Телефончик-то скажешь? – добавил пассажир спереди.

Когда ей стали ясны коллективные намерения сидевших в машине, Стефани сделала шаг назад.

– Шлюха, – сказал пассажир.

– Съеби, гондон, – крикнула она в открытое окно и заспешила к дому.

Машина тронулась под грохот музыки, включенной, надеялась Стефани, чтобы прикрыть замешательство пассажиров. Она часто использовала этот же ответ в Стоке, порой в такой же ситуации, по пути в колледж и обратно.

Однако неприятные контакты со внешним миром только начинались.

– Ты, значит, тут поселилась?

Голос донесся из двора по соседству с неухоженной живой изгородью дома № 82. Полный мужчина в темном дождевике улыбался ей, стоя у фасада еще одного грязноватого дома. В одной руке он держал черный пакет, который собирался выбросить в резиновый контейнер для мусора.

– Э, да.

Розовое лицо мужчины блестело от дождя под напоминавшим пещеру капюшоном дождевика; широкие бифокальные линзы очков были испещрены каплями влаги и скрывали глаза, которые Стефани скорее ощущала, чем видела.

– Рад видеть, что местечко снова ожило. – Его бирмингемский акцент едва можно было разобрать. – Сынишка, значит, еще тут? Ты с ним?

– Простите, что? Нет. Я только въехала...

– Давненько его не видал. Он болел. Поправился, значит? Так и знал. – Соседу, похоже, больше нравилось говорить или рассказывать самому. Он знающе закатил глаза. – А я думаю, когда он за ум возьмется? Ты, значит, первая?

Что он имеет в виду – первая квартирантка?

– Э... – Стефани тут же поняла, что не хочет, чтобы у мужчины создалось представление, будто она единственная девушка в доме. И она ведь ею не была, правда?

– Нет. Есть и другие. И еще две едут. Переезжают.

Она волновалась, и ей не нравилась слишком знакомая улыбка, которая могла быть и усмешкой, та, на которую она не могла ответить иначе как с опаской.

– Мой парень...

– Рад слышать. Папаша его давно уж отъехал. А он продолжает семейную традицию, да? – мужчина, видимо, счел это замечание по поводу Драча в высшей степени забавным и хохотал дольше, чем стоило; он, похоже, не сознавал, что Стефани не разделяет его веселья.

– Может и заскочу, а, повидею вас как-нибудь вечерком. Тихо тут было, типа, с тех пор, как его папаша помер.

У нее не было ответа и вообще желания поддерживать эту загадочную и назойливую беседу, и она начала думать, не был ли мужчина сумасшедшим.

– Мне надо идти.

– Пока-пока! Осмелюсь сказать, что буду, типа, впечатлен, если оно так и продолжится.

Стефани не оглянулась. Она поспешила вперед, все еще взвинченная из-за встречи с мальчишками, а теперь еще и озадаченная соседом.

Закрывая дверь дома № 82, она пожелала, чтобы всяческие незнакомцы навсегда оставили ее в покое. Но быстро поняла, что из столкновений сегодняшнего вечера, случившихся не дальше, чем в сотне ярдов от дома, то, что ожидало ее впереди, будет самым странным и зловещим.

Высокий силуэт в конце фойе, мужчина, которого она никогда раньше не видела, не повернул головы, когда Стефани торопливее, чем обычно, вошла в дом.

Мужчина продолжал пристально вглядываться в единственную дверь в конце коридора первого этажа, расположенную по правой стене. Его длинная шея вырастала из неряшливого бурого пуховика, лоб прижимался к кремовой краске. Он, казалось, прислушивался, закрыв глаза, и в то же время создавалось странное впечатление, что он выражает почтение или молится; его долговязое тело было полностью неподвижным.

Стефани подобрала с пола письма. Они были перетянуты красной резинкой. Пусть ни одно из них не могло быть адресовано ей, она просто чувствовала, что должна что-то сделать, а не стоять в неловкой неподвижности.

Она включила свет.

– Здравствуйте, – сказала она, чтобы привлечь внимание мужчины, хотя не была полностью уверена, хочет ли этого.

Мужчина не ответил и не пошевелился. Тот свет, что доходил до него через фойе, явил короткие рыжие волосы, бледную кожу и невероятный рост. На тонкой шее выделялся заостренный кадык, кожа на нижней челюсти была раздражена после бритья и покрыта медной порослью. От длинных ступней, обутых в грязные белые кроссовки, до рыжей макушки его рост, должно быть, составлял шесть футов и семь дюймов, а то и больше.

Поскольку он все еще не обращал на нее внимания, и выносить это стало невозможно, голову Стефани заполнили воспоминания о голосе в ванной, невидимой соседке, первой комнате и загадочных мужских шагах, каждое утро пересекавших этот этаж, и, возможно, взбежавших по лестнице к комнате русской девушки с третьего этажа. И на болезненное мгновение она искренне задалась вопросом, был ли мужчина настоящим, или еще одним из них: тех, кого можно услышать и даже увидеть, но кто, кажется, присутствует здесь не полностью.

«Что там?»

Мужчина развернулся к Стефани всем телом, так быстро, что она вздрогнула и уронила почту. При виде нее выражение безжалостной неприязни на его костистом лице не смягчилось. Это было недоброе лицо с неулыбчивыми синими глазами; лицо, в чем-то до сих пор мальчишеское, но ожесточенное тяжелыми временами до неподвижности или ограниченности мимики.

Уличное лицо.

Стефани откашлялась. Она подобрала оброненную почту, потом посмотрела на мужчину, не улыбаясь.

Его взгляд не дрогнул и остался строгим, словно ее присутствие в фойе было огромным неудобством.

Ей казалось, что она слишком суетлива, несуразна, что ее заткнули и строго пристыдили. Но за что? Она всего лишь пришла с работы в дом, где снимала комнату. Кто он вообще такой, чтобы заставлять ее стесняться и напрягаться? Стефани бросила на мужчину сердитый взгляд и быстро подошла к лестнице. Он молча следил за ней.

Когда она поднималась по лестнице, он рассмеялся громко и натужно, так что смех едва ли не проговаривался: «Хо, хо, хо», – сопроводив это издевательской усмешкой, на которую Стефани долго смотреть не стала. Закончив выдавливать из себя смех, он просто паялился на нее, пока она не скрылась из виду.

В его пристальном внимании не было ничего похотливого, но было что-то, казавшееся куда хуже. Подходя к своей комнате, Стефани скрежетала зубами и стискивала кулаки, в одном из которых сжимала почту, адресованную не ей.

– Блин.

Она не собиралась нести почту обратно вниз, где стоял он. «Но, по крайней мере, он настоящий». Иного успокоения встреча не принесла.

Двадцать

Стефани прождала у себя в комнате больше часа, но звонка от Райана не было. В конце концов она набрала его номер.

– Спасибо, что позвонил, – сказала она, когда он поднял трубку.

– Стеф, ты в порядке?

Несколько секунд она не отвечала. При звуке его голоса у нее в горле возник комок.

– Не совсем.

– Что случилось? Я беспокоился из-за твоего сообщения.

«Но не сильно».

Она посмотрела на дверь; у дома за пределами ее комнаты был один из его спокойных периодов.

– У меня неприятности. Серьезные неприятности. Слушай... Прости меня, у тебя-то как дела?

– Нормально. Ну, знаешь, все еще работаю в ночную смену. По контракту, но все равно это работа... – он говорил что-то еще, но Стефани обнаружила, что не может сосредоточиться; она была слишком занята тем, что соображала, как объяснить ему свое положение. Он закончил свой монолог словами:

– А у тебя что? Где работаешь?

– То там, то здесь. В основном дерьмо всякое. В этом ничего не поменялось.

– Так что за ошибка?

– Этот дом. Это... место, где я живу... – она ограничилась рассказом о «неуравновешенности» Драча и тому подобном: залоге, который он отказался вернуть, своем ужасном финансовом положении, потерянной карточке и необходимости поскорее съехать. И хотя прежняя заботливость Райана отчасти проявилась, Стефани была разочарована тем, что он немедленно не предложил ей денег; когда-то он бы так и сделал, зная, что она вернет долг, что она порядочная и ненавидит обманывать. С небольшой суммы, оставленной отцом, она сама помогла ему покрыть залог и несколько месяцев оплаты за их первую совместную комнату. Может, он забыл? Она больше никогда и ничего у него не просила, только отпустить ее – неоднократно за последние три месяца их отношений.

Он должен был подозревать, что раз уж Стефани звонит ему, значит, больше ей обратиться не к кому. Но, если она не ошибалась, голос Райана изменился: стал тише, не таким звенящим от эмоций, каким был при каждом разговоре незадолго до их разрыва. Еще она чувствовала настороженность из-за того, что это она связалась с ним. «Как все меняется».

– Ты с кем-то встречаешься? – ляпнула она.

Он затих не меньше, чем на три секунды.

– Угу.

Было больно, но только из-за остаточной инстинктивной ревности, из-за раздражающего собственнического чувства по отношению к тому, с кем больше не хочешь быть. Хотя она так и не перестала любить Райана, ей не хотелось его вернуть. Не так давно она даже молилась, чтобы он встретил другую. И все равно не могла заставить свое эго не вмешиваться в его любовные дела, особенно теперь, когда ей нужна была его помощь.

- Стеф, разве ты можешь меня винить? В смысле, это же ты меня бросила.
- Все нормально. Я совершенно не против этого. И вообще, я так и думала.
- А ты? – спросил он, и его голос напрягся, когда он представил эту возможность.
- Была парочка ночевок и одна групповуха, но ничего серьезного.

Райан знал, что это неправда, но Стефани почуяла, как он оцетинился на своем конце телефона.

– Шучу. Никого не было. Я об этом даже не думаю. – Хотя бы это было правдой. – В моей ситуации не до того.

– Хорошо, – сказал он, слишком быстро, чтобы обдумать свой ответ.

– Но мне нужно отсюда выбраться, а ты уже ответил на мой вопрос. Прости, что побеспокоила.

– Не вееди себя так.

– Я никак себя не веду. Я только надеялась... думала, не смогу ли перекантоваться у тебя, пока не накоплю залог за комнату. Но это будет сложно.

– Стеф, ты знаешь, что я бы тебе помог. Без вопросов. Но у нас с деньгами туго.

Денег она у него не просила.

– Мы тоже копим, – добавил он.

– Не говори мне, что вы живете вместе. Ты ее только встретил.

Ей захотелось забрать эти слова назад, и она возненавидела себя за то, что хотела причинить ему боль. В мыслях она воображала Райана гарантированным запасным выходом – пусть и неразумным, чреватым эмоциональным истощением. Но теперь у нее было одной страховочной сеткой меньше; звонок это подтвердил, и от этой мысли она почувствовала слабость. Слава богу, что она не рванула к нему после первой же ночи в доме, нагруженная сумками. Это было бы ужасно. «Но хуже ли, чем здесь?»

– Иногда понимаешь сразу, – сказал он голосом, приглушенным смесью печали и пассивного сопротивления, которую Стефани помнила слишком хорошо.

Толку от этого разговора не было.

– Конечно. Слушай, я лучше отключусь. Мне нужны деньги на телефоне, чтобы комнату искать, – ее голос начинал срываться, и чем дольше продолжится разговор, тем будет хуже.

«Нет, подожди, не вешай трубку. Я тебе перезвоню», – раньше он всегда говорил что-то подобное, но эти времена давно прошли. Вместо этого Райан сказал:

– Позвони Джони. Или Филиппе. Бекке.

И это ее действительно протрезвило.

– Они в Стоке. Я туда не вернусь.

«Я не вернусь туда, где живет она: Вэл».

То, что Райан хотя бы предложил ей вернуться в родной город, в очередной раз показало, что он о ней на самом деле больше не думает. Или, что еще хуже, больше о ней особенно не беспокоится. Они действительно расходились своими дорогами и забывали друг друга.

– С тобой все будет в порядке, – сказал он, успокоенный, судя по голосу, тем, что разговор заканчивался. – Ты умная девочка, Стеф. Мне не нужно тебе этого говорить. Что-нибудь да появится.

– Вот этого-то я и опасаюсь. В моей долбаной комнате.

– Что? Этот ублюдок-хозяин пытался к тебе подкатить?

– Нет. – «Пока нет». – Слушай, я не стала бы звонить, если бы не отчаялась.

– Ну спасибо.

– Я не это имела в виду. Просто... Никто мне не поверит. Этот дом. – Ее голос упал до шепота. – С ним что-то не так. Все не так. Тут люди... девушки, которые говорят и плачут, но я не знаю, есть ли они. Я не могу их найти.

– Что?

Стефани начала плакать. Она всхлипнула:

– Здесь что-то происходит.

– Что происходит?

– Не знаю. Кто-то был у меня в комнате, Райан. У меня в комнате!

– Что? Где вообще этот дом?

– Эджхилл-роуд. Я не могу здесь оставаться.

– А номер какой?

– Восемьдесят два. Пожалуйста, ты можешь мне помочь?

– Но кто был в твоей комнате? Я не понимаю.

– Когда я включила свет, никого не было. И еще... в ванной... голос. Все неправильно.

– Что? Ты имеешь в виду...

Гудок оповестил ее, что на телефоне закончились деньги, и Стефани потребовалось все невеликое самообладание, чтобы не запустить мобильником в стену.

Она прикусила язык прежде, чем поток ругательств сорвался с ее губ – ругательств, которые заставили бы ее ощутить еще большую безвыходность, – и в этот момент кто-то сообщил о своем прибытии игривым тройным стуком в дверь.

Двадцать один

Это был Драч.

– Вот што, милая. – У него были с собой бутылка вина и два бокала. – Я тут сообразил, што ты одна в пятницу вечером, и мне это не понравилось. Подумал, может, захочешь отметить переезд, типа. Новоселье.

Не подслушивал ли он под дверь? От мысли, будто Драч знает, что у Райана она больше поселиться не может, Стефани пробрал озноб.

– Нет. Не самое удачное время. Но спасибо.

Воняющий лосьоном после бритья Драч вошел в комнату без приглашения, двигаясь одновременно на нее и вокруг нее. Он оказался так близко, что она отшатнулась, как от удара.

– Не надо так. Я ж за милю вижу, што ты снова ревела. Расстроилась из-за чего-то? – Он поднял бокалы. – Никаких подкатов, типа. Не обижайся, сестренка, но ты не в моем вкусе, да и бизнес с удовольствиями я не мешаю. И вообще, мне этого дела хватает.

Он говорил так, словно отвергал ее предложение:

– Просто оказываю гостеприимство, типа.

Она не могла запретить ему войти. Комната на самом деле не принадлежала ей, а была предоставлена в знак его снисходительности; Стефани провела здесь одну ночь, и ее право на это место еще не утвердилось. Осознав это, она представила, как его лицо окаменеет и побелеет от ярости, если она скажет, чтобы он отвалил; а потом представила себя стоящей на улице под дождем и с сумками у ног.

– Я сяду?

Если бы она и возразила, это ничего бы не изменило, и когда он тяжело уселся на ее постель, Стефани передернуло от омерзения. Он уверенно стирал последние следы ее сопротивления. Намеренно, к тому же, и с наслаждением, и она ненавидела его за это.

– Не удивительно, што ты не можешь парня удержать, девочка. С таким-то лицом. Кто ж захочет на такое целый день смотреть?

– Вы... – она осеклась, когда Драч вызывающе задрал подбородок. Он был одет в новый красный пуховик «Хелли Хансен», джинсы «Дизель» и свои чистенькие зеленые кроссовки. Позер-хулиган; такие ей никогда не нравились.

– Я слыхал, ты с Фергалом познакомилась. Кузеном моим. Говорит, што видел тебя внизу. Болтая, он стрелял глазами, оглядывая комнату у нее за спиной.

– Это што, почта? – Он поднялся и схватил ее со столика. – Ты што с ней делала?

– Я... ее подобрала.

Всякий след издевательского юмора исчез из его глаз так быстро, что это ее шокировало.

– Вижу, но она ведь не твоя.

– Знаю. – Она сглотнула. – Ваш кузен, он...

– Што?

– Ошарашил меня. И я забыла, что она у меня в руках. Драч снова уселся, довольный.

– Ошарашил тебя! Это мне нравится, «ошарашил». Такое словцо не часто услышишь.

Умеешь языком вертеть, девочка. Улыбайся только почаще, и мир в твоих руках.

– Что он делал? У той двери, внизу?

Драч нахмурился:

– Это и его дом, не только мой. Может делать, што хочет.

Ей показалось странным, что кузен является совладельцем дома.

– Кто там живет?

Драч начал шмыгать носом.

– Никто. Вход закрыт. – Он откупорил бутылку вина. – Вся та часть дома закрыта.

– Почему?

– Там поработать надо. Слушай, ты винище будешь или нет? Я-то его не часто трогаю.

Дурная водичка. Пара стаканов – и меня, типа, держать приходится. Как-то оно с моей башкой играет. Мне бы лучше травки чуть-чуть, кокаинчику. Но один-то бокальчик не повредит, наверное.

Кузен Драча, Фергал, прислонившийся головой к двери в неосвещенном коридоре, словно медитируя, не казался готовящимся к ремонту. А Драч пытался соскочить с темы.

– Отделка нужна? – спросила она, подталкивая его к разговору.

– Серьезнее, милочка. Сначала все, типа, перестроить надо. Забот у нас будет полон рот.

– Но там, вроде, живет мужчина? Я утром слышала, как он уходит. Или это был ваш кузен?

Драч уклонился от ее взгляда, шмыгнул.

– Наверное. – Он передал ей бокал, до краев полный белого вина. – Вот, держи, хватит совать везде нос, пора пить.

Стефани взяла бокал и смирилась с тем, что сидеть ей придется на кофейном столике.

В течение следующего получаса, удивленная собственной молчаливостью и стеснительностью, и отвечавшая по возможности односложно, Стефани отбивала стремительные вопросы домовладельца о своей временной работе, мачехе, друзьях и учебе, причем Драч особенно заинтересовался тем, что она сдавала экзамен по психологии:

– Подумывал о том, штобы самому чем-то таким заняться.

Она изо всех сил старалась пропускать мимо ушей хвастливые монологи, из которых по большей части состояла его речь, и в основном с отсутствующим выражением лица смотрела в пол, надеясь, что ее холодность сократит время его визита. Но он ничего не замечал, и лицо его краснело от вина. Ему нравилось унижать ее, но подавать себя как хитроумного, крутого и финансово успешного человека Драч обожал еще больше. Он утверждал, что был десантником, что у него «повсюду» собственность, что он был строителем, занимался «электрикой», и когда-то был хозяином рейв-клуба. Он занимался «всем понемножку. Што ни назови, делал. Вообще все».

Он хотел произвести впечатление, но тщетно, потому что она ненавидела его и считала нелепым. То, что он ждет одобрения, поражало Стефани, учитывая, что он запугивал и оскорблял ее с самого первого дня в доме; воспоминания о насмешках скручивали ей живот при одном только виде Драча. Но тот, похоже, не мог разглядеть ее очевидной неприязни. Или упрямо игнорировал ее сигналы, что заставляло Стефани нервничать.

Когда его самовосхваления набрали ход, она обнаружила, что признает – нехотя – уже назначенные постоянные роли: он был хозяином положения и не потерпел бы, если бы она попыталась это изменить. В точности как хамы, с которыми она сталкивалась на работе. В точности как ее мачеха. Судя по невеселому опыту знакомства с тем, что она считала формой нарциссизма – потому что у ее мачехи диагностировали нарциссическое расстройство личности, когда отец был еще жив, – единственной подлинной защитой будет убраться от него подальше. Только это было невозможно до тех пор, пока она не заработает больше денег. Стефани задумалась, не может ли ощущение безысходности повлиять на ее восприятие дома и его хозяина, или даже это восприятие исказить.

– ...вот так вот, девочка. Жизнь такая, какой ты ее видишь. В конце концов нужно, типа, помнить...

«Что делать?» Работы на следующую неделю не было, на счету – только 120 фунтов. Как только засранец-Драч покинет комнату, она позвонит подружкам из Стока, как предложил Райан, и узнает, можно ли завтра занять диван. «Но надолго ли занять? На неопределенное время?» С работой в родном городе Стефани было так же плохо, как и в любом другом месте, а еще там жила мачеха. Возвращение в Сток будет не только признанием поражения, но и тупиком. Она не была уверена, что найдет в себе силы покинуть его еще раз, да еще и одна, без Райана.

Новую карточку ей выдадут через шесть дней. Она не может оставаться здесь так долго. Но если она уедет в Сток, все равно придется возвращаться сюда за картой. «Что делать?» Ей хотелось кричать; кричать, не прекращая.

– В общем, если по чесноку, я, типа, боец, да... Никогда... с Макгвайрами...

Она начала разглядывать новую одежду незваного гостя и задумалась над отсутствием всяких признаков ремонта в доме. Драч соврал ей о том, что комнату недавно подновили. На самом деле, вранья было так много, что Стефани сомневалась в способности самого Драча за ним уследить, но он немедленно обозлился бы, если бы она указала на нестыковки. Мысли душили ее; они были петлей на ее шее весь день, и большую часть недавних месяцев.

– Чего люди не понимают...

– А кто она такая? Девушка из соседней комнаты? – Она задала вопрос, чтобы Драч перестал учить ее жизни.

– Какая разница? Кто тут живет, кто там живет? Тебе-то что?

– Вполне естественно хотеть узнать, рядом с кем ты живешь в общем доме. А вас, кажется, интересуют ваши жильцы. – Она раскрыла ладони, указав на его все более вальяжную позу – или отсутствие таковой – на ее кровати.

И зашла слишком далеко, потому что он начал бледнеть и прищурил глаза. Затем резко выпрямился, и пуховик зашуршал отдвигающихся внутри плеч.

Она говорила ровным голосом, стараясь подавить сарказм:

– Я просто слышу их. Девушек. Расстроенных. Но они со мной не разговаривают. В ванной...

– Не понимаю я тебя. Вообще не понимаю. Получила лучшую комнату в доме за сороковник в неделю. Што, добавлю, может быть пересмотрено быстрее, чем ты думаешь, если такая фигня продолжится. Кто тут живет, кто там живет? Почту чужую берешь. Не твое сраное дело. Лезешь куда не надо. Что ты задумала, а?

– Ничего. Я просто...

Он не слушал. Он накручивал себя. Стефани вспомнила, что Драч говорил о том, как на него влияет алкоголь. Она сглотнула.

– А я скажу тебе, что ты задумала...

Дверь распахнулась так стремительно, что они подскочили.

Двадцать два

В комнату просунулась рыжая голова. Шея, на которой она сидела, была до невозможности длинной и бугристой из-за хрящей, просматривавшихся под бледной кожей. Кузен Драча, Фергал, без приглашения вошел в комнату.

– Фергал, бляха-муха! Я из-за тебя чуть инфаркт не заработал! – Драч начал лыбиться. Но Фергал не обратил на него внимания. Вместо этого он уставился на Стефани с безграничной, как показалось ей, злобой. Он выглядел примерно так же, как когда она впервые увидела его внизу, но на этот раз все было еще хуже. В бескровном лице было столько ненависти и ярости, что у нее перехватило дыхание, закружилась голова, и она попыталась отыскать в памяти хоть что-то, чем могла его разозлить.

Стефани была уверена, что ее ударят, потому что Фергал шел прямо к ней. Потребовалась вся сила воли, чтобы не сжаться и не вздрогнуть. Руки тряслись, поэтому она сжала их в кулаки.

Фергал остановился в шаге от Стефани. Склонился так, что его лицо оказалось не более чем в дюйме от нее. И вгляделся ей в глаза с такой агрессивной внимательностью, что Стефани отвернулась к Драчу, ища объяснения.

Драч тоже казался обеспокоенным, и от этого она запаниковала еще сильнее.

– Садись, кореш. Винцо есть. Держи бокал. – В приглашении Драча слышался примирительный тон, который вовсе не поддерживал в Стефани уверенность.

Вблизи от Фергала несло немытым телом и чем-то масляным, жирным. Джинсы его были засалены и покрыты пятнами, края штанин – растоптаны в черную мешанину из ткани и грязи подошвами перепачканных кроссовок. Он выглядел и пах так, словно ночевал на улице.

Фергал наконец усмехнулся прямо в лицо Стефани, обнажив желто-коричневые зубы. Так же стремительно, как и вошел, он отступил назад и тяжело уселся на кровать, затем раздвинул ноги, словно заявляя свое право на территорию, и столкнул вместе колени Драча. Драч напрягся, потом быстро улыбнулся и хлопнул кузена по спине.

Фергал выхватил бутылку из его руки. Среди длинных паучьих фаланг и широких костяшек пальцев бутылка словно уменьшилась в размерах, а заодно лишилась всякой цивилизованности, сопутствующей распитию вина. Фергал приложил ее к губам и забулькал; его острый кадык неприятно двигался, пока он глотал, точно дикарь.

Не оставляя намерения найти поведение кузена забавным, Драч принялся подпрыгивать на кровати:

– Он сделал эту штуку, эту штуку с лицом. Пряма классика. Все обсираются. Когда мы были в Скрабсе, то...

Фергал повернулся и резко приблизил свое лицо к лицу Драча.

– Рот завали, – медленно сказал он глубоким голосом.

И Драч завалил рот. Он был, должно быть, лет на десять старше, но явно опасался Фергала. Теперь он пытался поддерживать улыбку, словно пытаясь затащить кузена обратно в дружелюбное настроение, доказав Стефани, что это все была безобидная игра. Ее это не обмануло, и даже Драч больше не казался настолько устрашающим и сомнительным в сравнении с более молодым кузеном.

Что-то было не так с этим местом, с ними, с их присутствием в этом месте. Не просто в этой комнате, а в самом доме. Она чувствовала несовпадение между огромным, негостеприимным домом и этой парочкой неуравновешенных мужчин, сидящих на ее кровати. Они были в высшей степени необычными и абсурдными домовладельцами. И даже родом были не из Мидлендса.

«Как я тут очутилась?»

Сюрреалистическая, но опасная, не имевшая в себе ни толики забавного ситуация была нелогичной в сравнении со всем ее прежним опытом. Как и все в этом доме. Даже без голосов и рыдающих женщин он был странным. Это был сумасшедший дом, и она чувствовала себя здесь единственным разумным созданием... единственным чистым, цивилизованным созданием.

Она уже осушила огромный бокал вина, и его эффект завел ее воображение в еще более зловещую тьму. Стефани онемела; смятение становилось невыносимым. И что такое Скрабс?

Она приняла решение; было глупо оставаться в одном здании с Фергалом, и с Драчом тоже. Стефани увидела достаточно и хотела, чтобы они немедленно ушли. Ей нужно было вызвать такси, чтобы доехать до станции на Нью-стрит, а потом начать обзванивать подруг по дороге в Сток. Ее удивляло, что она вообще до сих пор здесь, снова, в этом здании, в месте, которое отказывалось принимать узнаваемые формы. Она боялась, что безнадежность, апатия и вялость, порожденные усталостью и отчаянием, стали теперь ее главными врагами.

Фергал скорчил потешную рожу и кивнул в сторону Стефани, не сводя глаз с Драча.

– И это все, на что ты хватило?

Драч подавил ухмылку, намекавшую, что они втихую смеялись над ней.

Увидев ее реакцию, Драч несильно стукнул кузена по бедру, словно обрывая шутку, зашедшую слишком далеко.

– Просто помогаю девчужке, ага. Она старается. Пытается концы с концами свести, типа. Я это уважаю. Тяжкие сейчас времена.

Фергал повернул голову нарочитым движением, словно был болванчиком чревоушателя под управлением старшего кузена, и уставился на Стефани с раззявленным ртом, притворяясь идиотом. Он скосил глаза. Когда Драч снова заговорил, Фергал вновь повернулся в его сторону, все еще не закрывая широкого рта.

– Она, типа, работы толковой не находит, – сказал Драч. – Невезуха. Сколько раз мы такое видали.

Он заметил, что кузен дразнит его дебильным выражением лица и выкрикнул:

– Хорош!

Стефани встала. Ей нужно было выставить их из комнаты.

– Мне надо собраться. Рано вставать.

Фергал повернул к ней уродливую, глумящуюся, похожую на шар для сноса зданий голову:

– Не стесняйся.

Они оба посчитали это забавным и принялись смеяться, Фергал все тем же глубоким, вымученным смехом, Драч – шипящим хихиканьем сквозь широкие губы.

– Не ахти какая вечеринка, да? – сказал Фергал.

– Она не такая оторва, какими мы были, приятель, – ответил Драч; чудовищная природа их жестокого комического дуэта принимала все более четкие очертания в комнате Стефани.

Весь мир казался преступно враждебным. Она вспомнила, как читала о богачах, переселяющихся в охраняемые поселки и возмутительно дорогие районы страны, и о том, почему они отправляют детей в частные школы и университеты группы «Расселл»⁴. Чтобы никогда не соприкоснуться вот с этим, никогда. Как говорил ее отец, общество разделялось, оно стало менее цельным, чем когда-либо. Богачи породили неравенство, а потом свалили со сцены, не раз повторял он ей. Стефани тогда гадала, что случилось со всеми теми, кто остался позади, потому что у них не было денег и возможности защитить себя – как и у нее. С жертвами.

– Я косячок сверну? – спросил Фергал, чей голос неожиданно стал мягче, даже вежливее, словно на поверхности показалась другая личность.

⁴ Группа «Расселл» – объединение, в которое входят двадцать четыре крупнейших и наиболее престижных университета Великобритании, включая Оксфорд и Кембридж.

– Нет. Не надо, – сказала она, словно появление наркотиков в ее комнате было приглашением разыграть для каких-то кошмарных событий.

Не обратив на нее внимания, Фергал достал из кармана своей грязной куртки жестянку из-под табака «Голден Вирджиния» и открыл ее. Достал пакетик с длинной бумагой для самокруток, шарик травки, завернутый в пленку, зажигалку. Его движения были намеренно медленными, если не осознанно враждебными.

– Чуток дури. Ничего нет круче чутка дури, – сказал Драч.

Стефани встала.

– Прекратите! – Она сама поразилась силе в своем голосе.

Они разделили ее удивление и выглядели ошеломленными – распахнутые рты, пропавшие улыбки, мигающие глаза.

– Мне это не нравится, – сказала она тихо, и голос ее задрожал. – Вы заставляете меня нервничать.

– Нервничать? – спросил Фергал после долгой, неуютной паузы, когда никто, похоже, не знал, что сказать.

– Нервничать? – повторил он, нахмурившись, а потом выдавил дурацкий смешок из глубин живота. Новая роль, новый голос. Он считал себя главным шутником, только шутки его, как и сам он, воняли.

– Загостились мы, видать, – Драч поднялся, улыбаясь, расставив руки, будто пытался остановить уличную потасовку. – Без обид. Все нормально, ага. Мы просто развлекались, типа. Извиняюсь. Мы не хотели тебя пугать. Не в нашем стиле это. Я себя прям уродом чувствую. Мне стыдно.

Он произнес этот монолог с такой искренностью, что Стефани почти поверила – на полсекунды – что ему действительно было жаль.

Фергал убрал травку, подхватил бутылку и поднялся. Затем посмотрел на вино у себя в руке, все еще хмурясь, словно не ожидал его там увидеть.

– Оставь ей, типа, – сказал Драч, теперь изображая собственное понимание вежливости и безграничной щедрости, и с таким энтузиазмом, что Стефани хотелось расхохотаться в голос. – Это ее. Я ей подарил. Сюрприз на новоселье. Держи, солнышко. Выпей за нас. В покое. Мы куда-нибудь уйдем.

Фергал ухмыльнулся и показал грязные зубы:

– И забухаем.

Их уход наполнил ее таким облегчением, что Стефани едва удержалась на ногах.

Драч замер у двери:

– Никто тебя не тронет в твоей комнате, типа. Не такой тут дом. По чесноку, да? Понимаешь ведь? Ага? Ага? – повторял он, подгоняя своего верзилу-кузена на выход из комнаты. – Недоразумение, вот и все. Только есть кое-что, о чем мне надо с тобой перетереть. Я хотел раньше разговор затеять...

Должно быть, отчаяние вернулось на ее лицо так стремительно, что Драч осекся:

– Но это подождет, ага. До завтра. Но ты, типа, захочешь это услышать. С утра, точно тебе говорю. Но решение твоих проблем недалеко, типа. По чесноку, ага.

– Угу, чистая правда, – вклинился его кузен из темноты коридора. – Кучу бабла сделаем. Очень скоро. Прям тут.

Драч лыбился, как возбужденный мальчишка.

– Это верно, да. Завтра, милочка. Выпей бокальчик винца, за счет заведения. Телек включи. Никто тебя больше не потревожит. Можешь расслабиться.

Его примирительные подбадривания начинали раздражать, но Стефани была озадачена их планами. Кузены казались ей способными на что угодно и неспособными ни на что одновременно. Она задумалась, не стоит ли позвонить в полицию и рассказать... о чем?

Стефани подбежала к двери и попыталась ее захлопнуть. Но ей помешал огромный грязный кроссовок. Лицо Фергала просунулось обратно в комнату так быстро, что Стефани вскрикнула.

Он оглядел потолок и стены в напускной заговорщической манере, а потом прошептал: – О них не беспокойся. Они тебя обидеть не могут.

Потом он ускользнул в темный коридор, тихо прикрыв за собой дверь.

Двадцать три

Стефани сидела на кровати, уставившись в пространство. Драч и Фергал ушли два часа назад, но прощальные слова последнего затмили ее неутрачивающий страх перед их обществом.

Фергал что-то знал о странной природе дома. То же, что она сознавала наполовину, подозревала, отрицала, подавляла, чему, в конце концов, сопротивлялась; скорее предположения, чем факты, большей частью отходившие на задний план, как только Стефани покидала здание, потому что она отчаянно нуждалась в деньгах, чтобы убраться отсюда. Но Фергал признал то, чего она не смогла выудить у Драча. Так зачем он подтвердил, что дом, по сути, населен призраками?

«А он подтвердил?»

Она вспомнила высокую, тощую фигуру, прижимавшуюся к двери на первом этаже.

«Что это такое было?»

Ей хотелось верить, что оба мужчины просто не умели себя вести, не привыкли к роли домовладельцев, и у них не получалось сдавать комнаты из-за ужасных характеров. Или, возможно, здесь жили и настоящие люди: девушка из соседней комнаты, русская с третьего этажа, вонючий мужчина с первого, женщина где-то под ванной. Нелегальные мигранты? Такой расклад, если честно, мог ее успокоить. Или, может быть, Фергал имел в виду других жильцов?

А может, в доме творилось нечто куда более зловещее; нечто такое, что кузены могли игнорировать или были его частью по неясным пока причинам. Может, здесь что-то случилось, и они это скрывают. Последний вариант она пыталась отвергнуть и забыть, потому что эту идею лучше было обдумывать, когда она навсегда отсюда съедет. Здесь ни в чем нельзя было быть уверенной, но она призналась себе, что теперь Макгвайры пугали ее больше, чем все, что она слышала за стенами и под кроватью, или чувствовала, сидя в постели в своей первой комнате.

«Они тебя обидеть не могут». А мы можем. Таков ли был подтекст прощального замечания Фергала? И этот жуткий, злобный взгляд: мог ли он быть наигранным?

Драч был уклончивым, нечестным, он быстро злился, если она намекала на то, что пережила, но он был вруном в подчинении у своего маниакального кузена-наркомана. Это Стефани теперь знала точно. Она чувствовала, что Фергал считал ее помехой, а Драч хотел, чтобы она осталась. «Деньги». Она не могла представить, что мотивация Драча может быть иной. Разве что он подготавливал почву, кружа рядом с ней, работая над ней, надеясь разрушить ее сопротивление его потайным намерениям. Амурным намерениям. Стефани оборвала дорожку мыслей, прежде чем та довела ее до тошноты.

Она вышла и осмотрела коридор.

Пусто и тихо; из-под дверей соседних комнат не лилось ни света, ни звука. Ее инстинкты продолжали настаивать, что там пусто, и было пусто с тех пор, как она сюда прибыла.

«Тогда что издавало звуки?»

С верхнего этажа, спустившись по лестнице от квартиры хозяина, донесся далекий звук басового барабана.

Стефани думала об оставшихся в Стоке подругах, ни с одной из которых не говорила уже несколько месяцев. Интернета у нее все еще не было: соединение на старом телефоне было невозможно медленным, и она подозревала, что мачеха сломала ее ноутбук, прежде чем она

ушла из дома. Вэл бесило, что она им пользуется, хотя Стефани так и не смогла понять, почему. Ноутбук не работал с тех пор, как она сбежала из дома, и у нее не хватало денег на ремонт. Подруги, должно быть, все общаются в Фейсбуке, Скайпе и Твиттере. Или так, или это ей больше никто не звонит. Стефани надеялась, что они все еще думают о ней. Их молчание может всего-навсего значить, что они заняты собственными проблемами, но ждут от нее весточки. Разве не так бывает с друзьями из родного города? Вырвавшись из Стока, она не оглядывалась назад. Теперь это казалось чудовищной ошибкой.

Если три подружки из Стока не смогут ее принять, придется терпеть ситуацию на Эджхилл-роуд еще какое-то время. «И справляться с тем, что обитает в доме». Или потратить все, что осталось, на хостел. На сколько ночей хватит ста двадцати фунтов? Возможно, на неделю, прежде чем она все потратит. А дальше придется работать ежедневно, чтобы оплатить следующую неделю, или к пятнице у нее не будет ни денег, ни жилья.

Может, если она проведет субботу и воскресенье вне дома и без особых трат, это поможет. Она может не спать по ночам и дремать в парке. А если больше не открывать Драчу и говорить с ним только через дверь, может быть, он что-то уяснит.

Прошлой ночью ей всего лишь приснился кошмар. «Неудивительно». Но, по крайней мере, в комнате у нее ничего не было. Ничего под кроватью...

«Остановись немедленно!»

Сбивчивый голос в ванной – запись это или нет, – был всего лишь голосом и не угрожал ее безопасности.

И неиспользуемого камина в этой комнате не было.

Девушка по соседству – сущность, если она ею была, – только плакала и ходила взад-вперед по коридору.

«Все не так плохо». С риском психологического ущерба ей, возможно, придется пока смириться.

Даже размышление на эти темы и взвешивание стольких потусторонних и посюсторонних вероятностей казалось ей абсурдным. С другой стороны, ее жизнь такой и была. Ее вынуждали думать о невозможном и неестественном так часто, что Стефани снова подумала, не шизофрения ли у нее. Восприятие реальности искажалось, ей слышались голоса. Возможно, даже виделись несуществующие вещи.

Стефани взглянула на время: десять сорок пять. Слишком поздно, чтобы звонить кому-то из подруг. Но с утра она позвонит, чтобы оценить свои возможности, если придется быстро отсюда убираться. Если кто-то из них примет ее завтра, в субботу, тогда это может быть ее последняя ночь в этом доме.

В комнате все еще пахло Фергалом и открытым вином. Она открыла окно. Перевернула и развернула одеяло, чтобы та часть, на которой он сидел, была в изножье матраса. Отнесла вино на кухню и вылила в раковину, непрерывно морщась от воспоминаний о том, как грязный рот Фергала пил из бутылки. Она старалась не касаться стекла там, где были его губы.

В комнате часы показали ей, что было уже больше одиннадцати вечера. Стефани поставила будильник на восемь утра. Проснувшись, она отправится в центр города и проверит магазины, пабы, бары и кафе, где оставляла свое резюме.

Оставив включенными свет и приглушенный телевизор, Стефани разделась до нижнего белья и забралась в кровать. Она лежала неподвижно и продолжала гонять мысли по все более сужавшемуся кругу, чтобы избежать любых размышлений об еще одной ночи в этом доме.

Двадцать четыре

Шаги, медленно пробудившие Стефани ото сна, поспешно миновали коридор снаружи ее комнаты и продолжились в самой комнате, как будто она оставила дверь открытой.

Когда она проснулась, другие, более тяжелые шаги последовали за первыми, словно в азартной погоне, но остановились снаружи, колеблясь, а может, оценивая обстановку.

С резким вдохом, отдавшимся эхом у нее в голове, Стефани разорвала последнее шупальце сна и отбросила одеяло.

Звук ее испуга, казалось, покончил со всем разом – и с шагами, и с жестокими словами, что сыпались во сне изо рта ее мачехи, с обвинениями, которые сопровождались жуткими усмешками на лицах незнакомых людей, собравшихся вокруг черного стола. Людей, державшихся за руки в темном помещении со свечами в далеких углах. И все же сюрреалистические образы дурного сна меркли рядом с осознанием, что кто-то, возможно, проник в ее комнату.

Шаги.

Люстры на потолке и лампа на полу все еще горели, и Стефани не потребовалось много времени, чтобы убедиться: кроме нее среди черных стен и зеркал никого не было. Дверь в комнату была заперта. Стефани так и сидела в постели, прижав руки к щекам, и грудь ее вздымалась и опускалась, как будто она только что чудом всплыла на поверхность из глубины.

Издалека, с заднего двора, слышался лай собаки. Теперь он звучал как рев пополам с кашлем.

Опасаясь за свою психику, она быстро попыталась дать кошмару разумное объяснение. Страх перед незнакомцами в комнате с черными стенами явно был связан с тем, что она пережила этим вечером, а мачехины издевательства ей снились постоянно.

Но шаги... Их она объяснить не могла.

С хрупким спокойствием, которое она ощутила, проснувшись, вскоре было покончено.

В комнате по соседству вновь ожили тяжелые шаги, грохотавшие хаотично и неуклюже. Шаги алкаша. Пьяные в стельку шаги, от которых прячешься.

Стефани повернулась к стене, возле которой стояла ее кровать. Она не слышала, как открылась дверь, но теперь до нее доносились стуки и дребезг, как будто целеустремленные руки принялись разбрасывать мелкие вещи и ронять мебель в комнате по соседству. Порой шаги останавливались, а потом ускорялись и, спотыкаясь, устремлялись в другом направлении, чтобы продолжить то, что по звукам напоминало разгром помещения.

Когда шаги направились к стене, за которой она лежала, Стефани вздрогнула и замерла, зная, что завопит, если тот, кто был в соседней комнате, продолжит свое буйство по эту сторону стены, что не казалось невозможным.

Она услышала, как скрипят пружины матраса и как ткань трется о стену, а следом – женский крик, испущенный прямоком в кирпичи и штукатурку, разделявшие две комнаты.

Следом раздался деревянный стук и звон пружин, и у Стефани сложилось впечатление, что кровать только что подняли, а потом уронили. Женщина, должно быть, пряталась под ней. Крик стал пронзительнее, будто теперь ее тащили по полу в глубину соседней комнаты.

Плач перешел в рыдания, а потом женщина начала негромко постанывать после каждого приглушенного стука и сочного шлепка; удары были более чем очевидными и перемежались с тяжелым топотом: мужчина переступал с ноги на ногу для пушнего равновесия, пока занимался своей работой.

Окаменевшая от испуга и шокированная услышанным настолько, чтобы понять, что никогда раньше не чувствовала подлинного отвращения, Стефани не могла ничего сделать.

Незнакомку избивали. Звуки порождали у Стефани чувство головокружения и бессилия, как будто насилие творилось у нее на глазах, или как будто его совершали над ней. Даже любовник ее мачехи, маленький очкастый доходяга, обожавший по пьяни стоять в дверях комнаты, пялясь на нее, когда она поднималась по лестнице в туалет, не вызывал такого омерзения, как то, что слышалось из соседней комнаты.

Стефани спустилась с кровати так тихо, как только могла, морщась от каждого взвизга матрасных пружин, а после – от каждого скрипа половиц. Она подошла к двери на цыпочках.

Значит, соседка все-таки существовала, и Фергал до нее добрался?

«На ее месте могла быть ты».

Она вернулась к постели и взяла свой телефон. Набрала 999. Потом замерла, положив палец на кнопку вызова, вспомнив, как не смогла прошлой ночью ни разглядеть соседку, ни найти ее в ванной. Еще она вспомнила о том, что в соседней комнате не горел свет и никто не ответил на ее призывы.

Стефани открыла дверь и вгляделась в неосвещенный коридор второго этажа. Как всегда, в комнатах по обе стороны коридора было темно. Значит, девушку избивал в темноте мужчина, нашедший ее не включая света? Это казалось неправдоподобным. Или, возможно, она слышала то, чего на самом деле не было. Это еще меньше походило на правду.

Стефани подошла к соседней двери. По ту сторону все еще слышались удары и стоны, рыдания и жуткий медленный топот мужских ног. Вдобавок она ощутила кое-что еще: сильный запах. Смерд больных десен, крепкий животный пот, воскрешенный свежей испариной под нестираной одеждой, сальные волосы, перегар. Вонь, знакомая по второй ночи, проведенной этажом выше. Это был запах мужчины, который пришел к плачущей русской девушке и занялся с ней сексом, а потом молчаливым часовым стоял у двери Стефани.

Ей хотелось закричать. Но еще она устала чувствовать себя запутавшейся, и перепуганной, и отвергнутой, и бедной, и загнанной в угол, и обиженной, и...

Охваченная желанием бить, царапать и пинать, она схватилась за голову, прокричала:

– Нет! – и, не успев даже обдумать свои действия, начала бить в дверь ладонями обеих рук.

– Прекрати это! Прекрати! Оставь ее в покое! Оставь ее в покое, ты, ублюдок!

Она была поражена громкостью своего голоса в темноте коридора и шокирована, потому что совершила поступок, на который раньше считала себя неспособной. И столь же быстро ее охватило дурное предчувствие, затвердевшее под кожей точно корочка льда, потому что в соседней комнате воцарилась тишина. Следом за предчувствием явилось предвкушение, из неприятных, когда она поняла, что невидимое лицо, для которого ей хотелось остаться незамеченной, только что повернулось в ее сторону.

«Они знают, что ты здесь».

Ее шея и затылок покрылись мурашками, и она задрожала от холода, холода, в который окунулась, выйдя из комнаты, который стал настолько невыносимым, что казалось, будто дом лишился крыши и стен, защищавших от ледяного небытия снаружи, откуда являлись они с их шагами и их криками, их голосами и их запахами... чтобы показать тебе нечто.

Стефани заскочила обратно в свою комнату, захлопнула дверь и заперла ее. Но чувствовала себя такой же уязвимой, как и в коридоре, лишенная чувства физической безопасности, которое обычно предоставляет запертая дверь.

И холод. В комнате все еще было холодно. Казалось, что ноги уже синеют. Она рывками втягивала воздух и выталкивался его из себя.

«Когда тебе холодно, ты не одна».

Стефани сглотнула.

– Кто? – Она оглядела стены и потолок, осторожно двигаясь к постели.

«Они не могут тебя обидеть».

– Кто вы? – Стефани шептала; даже в состоянии шока она опасалась, что ее услышат. Драч и Фергал спят двумя этажами выше, и если они не заметили ее криков или избиения одной из их квартиранток, то уж наверное не обратят на нее внимания сейчас. Она заговорила громче:

– Кто здесь? Скажите мне. Пожалуйста. Я не могу этого больше выносить... – ее голос начал дрожать. – Я не могу... Я не могу уйти... Я не могу вынести...

Эмоции сдавили ей горло.

– Мне холодно.

Услышав голос рядом со своим ухом, Стефани упала на кровать и, отталкиваясь пятками, прижалась к изголовью, сбив аккуратно заправленную под матрас простыню.

Слышала ли она голос?

Да, что-то она слышала. Но звучал ли голос в комнате или у нее в голове? Может, она сомневается только потому, что никого не видит? А если она уверена, что кто-то с ней заговорил, что ж... значит, она сошла с ума, потому что ей слышатся голоса. Или так, или все, что она когда-либо считала правдой об окружающем мире и управляющих им законах, только что оказалось полной чепухой.

Она дотянулась до телевизионного пульта и выключила работавший без звука телевизор, потом нервно уставилась на зеркальные двери шкафа, сама не зная почему. Может быть, ею управляло какое-то подсознательное суеверие, или она вспомнила о чем-то фантастическом, связанном с зеркалами и выцепленном из книги или фильма много лет назад. Но в зеркале не отражалось никого, кроме нее самой, без преувеличений выглядевшей так, словно она только что услышала призрака.

Она просочилась под одеяло и подтянула его к подбородку.

– Кто вы? Скажите мне, – голос Стефани дрожал от холода.

Тишина.

Она чувствовала себя бредящей и безумной, почти впавшей в истерику и переступившей через границу ужаса в новое ментальное состояние, в котором раньше не бывала; открытое и несдержанное, восприимчивое и безрассудное, бездумное.

– Зачем вы здесь?

Она сосредоточила свои мысли и чувства на комнате; ее разум барахтался, тянулся и пытался увидеть, услышать, узнать.

Комната звенела от напряжения, как атмосфера в классе, полном нервничающих детей, неожиданно оказавшихся под взглядом злого учителя. Похожее чувство бывает, когда идешь по улице ночью и слышишь за спиной шаги. Воздух стал словно разреженной, пространство – тише, как будто комната затаила дыхание. Из-за этого Стефани казалась себе маленькой, очутившейся на грани чего-то неизмеримо большего, например, океана или необъятного ночного неба. И перед лицом этого ей было так грустно и так одиноко. Сокрушительное чувство покинутости заставило ее челюсть задрожать и застелило глаза слезами.

– Мне холодно... – Вот он, голос. – ...меня. Мне так холодно...

Голос доносился от окна. Молодой, женский, смятенный. Потерянный?

– Я... Я тебя слышу, – сказала Стефани, сглотнув. – Кто ты?

Не отвечая, но, кажется, услышав вопрос, девушка начала плакать в другом месте, у стены за телевизором, или даже немного за стеной.

– Я хочу тебе помочь, – сказала Стефани, но из-за сомнений в том, хочет ли она хоть как-то продолжать контакт, ее голос упал до шепота.

– Обними меня. – Это было сказано рядом с ее ухом, как будто кто-то встал рядом с кроватью и наклонился к ней.

Стефани вскрикнула и еще сильнее вжалась в стену.

Ничего. Она не могла ничего и никого разглядеть в холодной комнате. Но была уверена, что, если оно заговорит снова, ее сознание затухнет погашенной свечкой, и на этом для нее все закончится.

Кожу Стефани покалывало иголочками, а она тихо и неподвижно сидела в ледяном молчании на протяжении пяти минут, если верить телефону. Ее разум сделался до странного отсутствующим, словно пытался соскользнуть в оцепенелое ничто, да там и остаться.

В конце концов, как только удивление от того, что она до сих пор в сознании, дышит и жива, вновь сменилось любопытством, она попыталась осмыслить, что с ней происходит. Что-то столь невероятное, что оно порождало в ней ощущение невесомости.

Она сменила позу и легла, прижавшись одним боком к стене, словно ей необходимо было ощутить что-то материальное и осязаемое.

– Ты... Ты еще здесь? – спросила она у комнаты.

Матрас прогнулся, кровать тихо зашуршала, и рядом с ней улеглось чужое тело.

Двадцать пять

Стоя босиком на холодной, мокрой дорожке возле дома, Стефани сгибалась пополам и с силой втягивала в себя ночной воздух. Сердце колотилось у нее в ушах. Она боялась, что ее вырвет.

Прежде чем выбежать из комнаты, а потом из дома, ей хватило ума набросить пальто поверх нижнего белья, но она забыла втиснуть ноги в расшнурованные кроссовки возле кровати.

Сжимая телефон в трясущейся руке, она испугалась, что уронит его, и быстро обхватила еще и второй рукой.

Дождь рьяно покрывал каплями ее лицо и голые ноги. Она отступила назад, к двери, надеясь укрыться, но мощный поток воды ударил в бетон и обрызгал ей ноги. Сточный желоб наверху был дырявым.

Холод отрезвлял.

За небольшой металлической калиткой, между чернильно-черных массивов разросшихся кустов, ей были видны три дома через дорогу; свет в передних окнах не горел. Кое-где на верхних этажах не были задернуты занавески. Дома и те, кто в них жил, демонстрировали отсутствие интереса к ее отчаянному положению. К ужасному мужчине из соседнего дома идти было небезопасно.

Да и что она на самом деле может кому-то рассказать о том, что сейчас пережила?

Когда Стефани неслась через дом к входной двери, она сказала себе, что вызовет полицейских. Но теперь она была снаружи, и безотлагательность этой мысли угасала. Что она им скажет? Что к ней в кровать забрался призрак? Что невидимые люди приходили к ней в комнату? Что в соседней пустой комнате избивали девушку? Что боится хозяев дома?

– Черт. Черт, черт, черт, черт. – Ее тело сотрясало, с каждым неровным вдохом и выдохом до сих пор не успокоившихся легких.

Нужно бежать прямо сейчас, отправиться куда-то.

«Куда?»

В какой-нибудь приют для бездомных? Даже тюремная камера будет лучше этой комнаты. Может, если она расскажет полицейским правду, ее накачают лекарствами и отправят в больницу? Она всерьез размышляла над этим, пока осязаемая реальность улицы и большого темного дома у нее за спиной и ощутимый дискомфорт от сырости и холода не притупили остроту испуга и не осушили топкий ужас, заставивший Стефани сбежать из комнаты и встать снаружи дома, как перепуганного ребенка – у дверей родительской спальни после страшного сна.

Она взглянула на телефон: два ночи. Три часа до рассвета. Если она сможет не заснуть за это время, а потом соберет сумки, позвонит кому-нибудь из девочек и вызовет такси до станции Нью-стрит, все это может закончиться. Всего три часа.

Стефани вытерла капли с лица, развернулась и вошла обратно в темный дом.

День четвертый

Двадцать шесть

– Ммм. Мне просто не нравится это место. И другие жильцы... И работа – говно. Но даже говна на всех не хватает, Бекка, – сказала Стефани в трубку, а потом продолжила грызть ноготь.

– Везде одно и то же, детка. Если тебе и там не удастся зацепиться, поневоле задумаешься, найдется ли где-то еще место получше, да?

– Это ненадолго. Может, на неделю, максимум две. Я... Мне только что крупно не повезло. Пожалуйста, Бекка.

– Я поговорю с Питом. Это его жилье. Он на футболе. Я спрошу, как только он вернется. Перезвоню тебе сразу же, ага?

– Спасибо.

После паузы Бекка сказала:

– Ты в порядке, лапушка?

Сочувственная забота в словах подруги вызвала дрожь в голосе самой Стефани. Она убрала телефон подальше от лица, чтобы избавиться от комка в горле и взять себя в руки. Вытерла глаза, сглотнула.

– Значит, до скорого, да?

– А ты не думаешь вернуться...

– К Райану – нет. – Ее голосу не хватало внутреннего стержня. Стефани едва слышала себя саму, и ей пришлось снова прочистить горло. – Он с кем-то встречается. Уже спрашивала.

– Да, я слышала. Только была не в курсе, знаешь ли ты. Но я имею в виду, ну, знаешь... Вэл? Дом?

– Никогда.

– Я просто подумала, что если там настолько плохо...

– Я не могу. Это дом Вэл. Мне уже не восемнадцать. У меня там прав нет. Даже если я захочу вернуться, она меня не пустит. Мы серьезно разругались тогда, в последний раз. Неправимый ущерб. – Рассказывая это подруге, Стефани задумалась, не придется ли ей вскоре умолять свою психованную мачеху предоставить ей убежище.

Они попрощались. Стефани швырнула телефон за спину, на кровать. Трое отпали, не осталось никого. Джони она позвонила первой. Та вернулась к матери с отцом и ночевала в свободной комнате, задолжав двадцать тысяч по кредиту на обучение. Филиппа была на четвертом месяце беременности (почему она раньше об этом не рассказала?) и жила с мамой своего возлюбленного. За исключением Бекки и ее парня – кассирши в супермаркете «Асда» и шиномонтажника – ни у кого из ее друзей или их партнеров не было работы, лишь одна ученая степень и больше десятка успешно сданных выпускных экзаменов на всех.

«Мы все, буквально, в одном месте».

Еще она до конца рабочего дня обзвонила все пять агентств по временному трудоустройству, чтобы узнать, нет ли для нее хоть какой-то работы. Везде ей сказали одно и то же одним и тем же тоном: «Пока ничего не появилось». Она даже попросила их рассмотреть ее кандидатуру для телефонных продаж, но ей все равно ничего не предложили.

Стефани схватила сумку и телефон и вышла из комнаты, в которой больше не могла находиться ни секунды.

Двадцать семь

– Господи, – нервно выдохнула Стефани после того, как сделала резкий вдох. Но девушка в саду не заметила ее за лестничным стеклом, даже когда Стефани оказалась в поле ее бокового зрения.

Девушка продолжала курить, зажав одну руку подмышкой и лениво согнув другую в локте. Сигарета у нее была такой же длинной, тонкой и белой, как и пальцы, что держали ее. Стоя вполоборота к дому, рядом с запятнанным двуспальным матрасом, прислоненным к ограде сада, девушка смотрела вдаль, на влажные заросли кустов, душившие перегруженные плодами яблони.

Девушка в саду игнорировала также и собаку Драча; Стефани увидела животное впервые. Это был бультерьер; черные и бурые полосы, похожие на тигриные, гладко облегли его внушительные мышцы. Собака тянулась к ногам девушки, ворча и душа себя цепью, похожей на якорную. Это значило, что псина тоже ее видит. Но еще она лаяла, когда нечто, походившее на злобного мужчину, несло через дом к двери русской квартирантки, и по ночам, когда коридор перед комнатой Стефани заполнялся... она не знала, чем. Так что реакция собаки не обязательно значит, что девушка на самом деле здесь.

Уже не в первый раз Стефани поразились подобной мысли, пусть она и не сопровождалась знакомым холодком страха, потому что был день.

Однако...

Ей нужно было добраться до банка прежде, чем он закроется, чтобы снять деньги при помощи чековой книжки и паспорта, и она продолжила спускаться по лестнице на первый этаж, гадая, не видела ли она только что русскую – хозяйку духов с резким запахом и высокими каблуками, которая не ответила ей и, казалось, жила без электрического освещения, которая рыдала одна в темноте, и в существование которой Стефани уже почти не верила. «Обительница мрака».

Но теперь она, возможно, существует. «О, пожалуйста, пусть она будет настоящей».

Стефани остановилась и вспомнила свой второй вечер в доме; русскую она заметила мельком, когда та заходила в комнату. Но у нее осталось впечатление, что соседка по третьему этажу была высокой привлекательной блондинкой; девушка в саду была миленькой и подходила под это описание.

Если это она, то почему курит в саду, если живет на третьем этаже? И как она туда попала? Видимо, через первый этаж, хотя Драч говорил, что проход там закрыт. А может, она обошла дом, он ведь не примыкал к соседним.

Вдохновленная идеей, что девушка может быть настоящей, Стефани развернулась и взбежала обратно по лестнице, чтобы выглянуть в окно на площадке.

Девушка пропала; собака утихомирилась и тоже скрылась из виду.

Она осмотрела весь сад: от несимпатичной, захлавленной террасы до высоких кирпичных стен, шедших по обе стороны здания и скрывавших соседские дома. Дальняя сторона заднего двора была скрыта. На уровне головы из кустарника вырывались колючие ветки, окружавшие древний дуб в середине двора. От вида дерева Стефани стало не по себе, хотя она не знала, почему. Сквозь нижние ветки дуба она могла разглядеть верхушку деревянного сарая, старого, покосившегося, плененного буйной, неприлично разросшейся растительностью. В свете дня ей также были видны ежевичные плети – толстые, как змеи, красные, как свежая кровь, – сплетающиеся посреди мусора.

Она предположила, что конец сада граничит с задним двором дома на соседней улице, параллельной Эджхилл-роуд. Из-за дальних стен выглядывали верхние этажи и крыши домов.

Между дубом и террасой валялись обрезки досок и фанеры, которые столько раз мочило дождем, что они стали похожи на картон. Она заметила внизу две цельные двери и еще один грязный матрас неподалеку от того места, где должен был быть черный ход. Между деревяшек неровными кучами лежали куски штукатурки и разбитых кирпичей, словно их выбросили из дома и оставили разрушаться в саду. В доме № 82 был большой ремонт, но очень давно.

Так кто будет туда спускаться? Заядлая курильщица? Но зачем, если курить явно позволялось и в доме?

Стефани закрыла глаза и сделала глубокий вдох, прежде чем продолжить спуск по лестнице. Она поняла, что неспособна размышлять об исчезновении девушки столько, сколько могла думать раньше. Или должна была думать.

На первом этаже она выглянула из-за перил в неосвещенный коридор, туннелем уходивший в заднюю часть дома, к одинокой запертой двери по правую стену. Тщательно прислушавшись, она посмотрела вверх по лестнице, но ничего не заметила.

Любопытствуя, что же делал Фергал возле двери, Стефани приблизилась к короткому проходу и вошла в сумрак. Стены по обе стороны были выкрашены белым, но уже долгие годы им не уделяли никакого внимания. Слои краски на обоях были толстыми, и куски цвета ванильного мороженого осыпались на пол. Воздух здесь был спертый, отдавал газом и запахом подпола, который ассоциировался у нее со старыми домами, разбитыми на съемные комнаты, но чего-то необычного не было.

Когда-то на первом этаже было три двери, но две из них заложили кирпичом и покрасили много лет назад. Стефани видела очертания проемов; они напомнили ей пустые рамы в неиспользуемых помещениях картинной галереи.

На уцелевшей двери, так заворожившей Фергала, имелись еле заметная надпись «1А» меж двух отверстий на месте шурупов, которыми некогда крепился номер комнаты, и замочная скважина.

Стефани прижалась к ней ухом и прислушалась.

Ничего.

Словно отреагировав на ее изыскания, где-то наверху открылась еще одна дверь.

Стефани быстро вышла из коридорчика и остановилась только взглянуть на почту: обычная реклама забегаловок с жареной курицей и кебабами, карточка такси «МИЛЛЕННИУМ» и коричневый конверт с окошком, адресованный городским советом мистеру Беннету. Письмо внутри было на красной бумаге, а спереди на конверте напечатали «ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ».

«Беннет?»

Стефани уронила почту и вышла из дома.

Металлически-яркий свет впился ей в глаза, словно она открыла занавески поутру, хотя был уже день; тем утром Стефани проспала звонок будильника и не открывала глаз до половины двенадцатого. Она и не думала, что такое возможно в этой комнате после ночных волнений.

Когда она проснулась, свет еще горел. За ее зарешеченным окном время от времени проезжали машины. Не было никаких признаков того, что кто-то, кроме нее, ложился этой ночью в ее постель после того, как Стефани вернулась с дорожки перед домом.

Как только сжимающий сфинктер ужас, явившийся вместе с ощущением улегшегося рядом тела, перешел в долгий период молчаливой неподвижности на кровати, и много после того, как холод и ночная морось успокоили Стефани, усталость подловила момент, чтобы овладеть ее утомленным телом и сознанием. Она спала без памяти, пока не пробудилась поздно утром.

Никакие кошмары не последовали за ней из сна на свет дня. Стефани почистила зубы и умылась в теплой и милосердно тихой ванной, чувствуя себя ирреальной и не годящейся для

обычной жизни; она словно имитировала рутину, давно уже непривычную в этом доме. Но все равно она передвигалась по второму этажу на цыпочках, опасаясь начать это заново, опасаясь разбудить нечто.

По крайней мере, теперь Стефани была на улице, живая и здоровая. Даже летящая в лицо морось, из-за которой ее волосы вскоре начнут кудрявиться, была приятным разнообразием в сравнении с затхлым воздухом дома и запахами старости и заброшенности. Здесь, снаружи, все, кого она повстречает, скорее всего тоже будут из плоти и крови.

Не видя никого вокруг, она заспешила к автобусной остановке. И снова вспомнила, каким странным всегда казался ей этот уголок северного Бирмингема: пешеходы появлялись только ближе к центру города, из-за чего за пределами главных транспортных артерий царила почти абсолютная тишина. Район то ли слишком устал, чтобы двигаться, то ли спал, то ли умер.

В банке она сняла сто фунтов по чеку, потом прошла всю Брод-стрит и побродила между кафе и барами на Гэс-стрит-Бейсин, чтобы проверить, как там ее заявки о приеме на работу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.